

ОДЕССКИЙ ДОМ УЧЕНЫХ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ПУШКИН
СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

I

Одесса
1925

ПУШКИН

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. П. АЛЕКСЕЕВА

ВЫПУСК I.

ОДЕССА

1925

891.71.09[П]

Окрлит № 5746. Одесса, 1925. Зак. № 1710. Напеч. 1000 экз.

„Одесполиграф“. 3-я Гостипография имени тов. Троцкого. Улица Ленина, 49.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник имеет свою длинную историю. Первая мысль о нем родилась еще в годы празднования столетия пребывания Пушкина в Одессе, почти совпавшие со 125-летием со дня его рождения. Инициаторам его казалось тогда своевременным и важным изданием специальной книги одесских материалов о Пушкине, — биографических и литературных, — отметить этот двойной для Одессы юбилей, ожививший историческое предание и, хотя и на короткий срок, возвративший поэту свежесть внимания и интереса широких читательских кругов. Но, по техническим соображениям, издание такой книги оказалось тогда слишком трудным. Осуществить этот замысел удалось только теперь, при поддержке Одесского Дома Ученых, силами основанной при нем 7-го марта 1925 г. постоянной «Пушкинской Комиссии».

Объединив вокруг имени Пушкина кружок местных исследователей и любителей старинной русской литературы, комиссия поставила своей целью «организованное исследование жизни и трудов Пушкина, а также всех вопросов истории литературы и культуры, с ним связанных». В силу специальных условий существования Комиссии, — в круге вопросов, подлежащих ее ведению и разработке, первоочередными следует считать работы, тесно связанные с пребыванием Пушкина на Юге, и особенно в Одессе. Одесский период биографии Пушкина не может считаться достаточно изученным. Не вполне обследованы еще одесские архивы, для планомерной научной разработки открывшиеся только

после 1917 года; плохо использована и одесская печать, на страницах которой затерялось не мало интересных материалов о поэте: ориентироваться здесь мог бы помочь только специально составленный библиографический указатель. Ряд эпизодов биографии Пушкина за 1823—1824 гг. требуют монографической разработки, которую плодотворнее всего производить на месте действия, в обстановке еще не окончательно забытых преданий и мемуарных традиций. Вопрос об отношении Пушкина к греческому восстанию и об источниках его эллинофильства, история его дружеских связей и знакомств, среди которых загадочными являются не только его увлечения А. Ризнич или Е. К. Воронцовой, но и ряд более частных и менее примечательных эпизодов его личных и общественных отношений, анализ одесской легенды о Пушкине и в то же время ясное и четкое отграничение ее от фактов собственно-биографических, экспертиза достоверности воспоминаний—Вигеля и Капниста, Липранди и Бутурлина, наконец, изучение в широком смысле окружавшей Пушкина в Одессе бытовой и литературной среды,—таковы, в самом схематическом перечислении, важнейшие вопросы, подлежащие местному изучению Пушкина. Разработка всех этих вопросов возможна, конечно, лишь в очень продолжительный срок, и потому, разрешение их нельзя предвидеть в ближайшее время.

Если несколько пестрый состав настоящего сборника объясняется сложностью и длительностью его подготовки в период оформления и кристаллизации задач Пушкинской Комиссии, то именно желанием уже теперь хотя бы частично содействовать ее целям нужно объяснять и сознательный «местный» уклон помещенных здесь статей и материалов. Он выдержан не до конца, потому что и самое право выбора материала было на этот раз более чем ограниченным. Однако статьи Б. В. Варнеке о «Борисе Годунове» и М. П. Алексева о «Гавриилиаде», наименее биографические из всех статей сборника, хронологически все-же очень близки к одесскому периоду жизни Пушкина: если «Гавриилиада» писалась в Кишиневе, незадолго до приезда Пушкина в Одессу, то «Борис Годунов», как известно, начат в Михайловском, вскоре после его высылки отсюда. Статья С. П. Шестерикова о Н. В. Кочубей-Строгоновой в значительной степени вызвана была

желанием воспользоваться сохраняющимися в Одессе архивом и библиотекой ее мужа — А. Г. Строгонова, бывшего одно время Новороссийским ген.-губернатором и здесь умершего. Остальные материалы более тесно связаны с Одессой: таковы публикуемые здесь автографы и рисунки Пушкина, относящиеся к 1823 — 1824 гг., цензурные и архивные материалы, сведения о местных читателях и поклонниках Пушкина, об его одесских друзьях и современниках, ценителях и судьях.

Едва ли приходится оправдывать также появление в настоящем сборнике биографических материалов о Л. С. Пушкине, единственном брате поэта, столь им любимом, основанных на одесских о нем данных.

Другой особенностью настоящего сборника, также всецело объясняющейся задачами местного изучения Пушкина, является биографический уклон его статей и материалов. В ряду очередных вопросов пушкинизма биографические разыскания являются несомненно все еще очень важными, а в условиях местной работы — пожалуй и единственно возможными и необходимыми. Эти соображения побудили кружок местных пушкинистов в юбилейный год приступить к составлению биографического «Словаря одесских знакомых Пушкина». Работа эта в настоящее время доведена до конца: ею первоначально предполагалось заключить настоящий сборник. Однако, технические трудности его опубликования, заставили выделить словарь в самостоятельное издание, которое составит второй выпуск настоящего сборника. Пушкинская Комиссия надеется, что быть может издание не остановится и на этом втором выпуске, и что она получит возможность превратить свои сборники в непериодическое издание, посвященное одесским штудиям о Пушкине, выходящее по мере накопления материала и частичного осуществления намеченных ею задач.

Заканчивая печатание настоящего сборника, Комиссия с признательностью вспоминает об отзывчивости Б. Л. Модзалевского и Н. О. Лернера, охотно сообщивших ей для издания автографы Пушкина, советы и указания М. А. Цявловского, сделавшего ряд ценных дополнений к рукописному «Словарю». Не имея возможности поименовать здесь всех многочисленных доброжелателей настоящего сборника, без

поддержки которых осуществление его затянулось бы на неопределенное время, Комиссия не может все-же не вспомнить с особой благодарностью о неизменно-доброжелательном отношении к изданию Правления Одесского Дома Ученых, в лице его председателя проф. И. А. Гибша и секретаря проф. П. Ф. Наумова, оказавших существенную поддержку Комиссии при ее основании и ряд серьезных услуг в деле изыскания средств на печатание сборника, наконец о сотрудниках 3-ей Гостипографии, в лице заведывающего Л. А. Горелика, содействовавшего улучшению внешности издания и значительно облегчившего сложный процесс его выпуска в свет.

Одесса, 17-го июня 1925.

I.

Затерявшийся автограф Пушкина.

Известна печальная посмертная судьба автографов Пушкина; сам поэт при жизни тщательно сберегал свои рукописи, был довольно скуп на их раздачу и не очень охотно делал записи в альбомах; основной же свод своих тетрадей берег чрезвычайно ревниво. С момента же смерти Пушкина началось распыление его рукописей, началось и их исчезновение. И в этом распылении и исчезновении виновны, главным образом, два человека, которых Судьба поставила в непосредственно близкое общение с рукописным наследием поэта и от которых, по их чувствам к ушедшему и по любви к его творениям, казалось бы, меньше всего можно было ожидать подобного отношения: это — Жуковский — первый разбиратель и охранитель бумаг Пушкина и редактор посмертного издания его сочинений, и Анненков — первый его биограф и издатель полного собрания его произведений. Жуковский, как известно, после разбора всего рукописного наследия Пушкина, удержал у себя некоторое количество листов автографов (87 №№) для раздачи почитателям поэта; Анненков же, через 18 лет, отнесся к любовно и умело использованным им рукописям Пушкина с прямо преступным небрежением: вернув большую часть их семье поэта (которая, однако, была далеко не способна достаточно высоко ценить и бережно хранить свое сокровище), он, в свою очередь, многое из удержанного раздарил частным лицам, многое же завез в свои имения, кое-что оставил у брата... Из этих «остатков от пиршеств» Жуковского и Анненкова и образовались потом такие известные собрания автографов Пушкина, как Онегинское, Майковское, Дашковское, Гротовское, Шляпкинское, собрание К. Р., не говоря уже о множестве мелких владельцев отдельных листов автографов поэта...

Пушкинскому Дому при Российской Академии Наук путем напряженной двадцатилетней собирательской работы удалось сосредоточить в своих собраниях значительную часть распыленных Жуковским и Анненковым рукописей Пушкина, приобщив к ним, кроме перечисленных выше, более или ме-

нее крупных фондов, и много отдельных листков, так что теперь собрание Пушкинского Дома занимает, после Московского Румянцовского Музея, *первое* место в ряду хранилищ Пушкинского рукописного наследия; но все-таки многое из этого наследия еще неизвестно где находится, многое исчезло заведомо бесследно. Из числа таких, находящихся или «в безвестном отсутствии», или уже погибших автографов поэта, мы хотим сказать здесь об одном особенно драгоценном листке, — особенно драгоценном потому, что на нем набросан был такой поэтический перл, как XVIII и XIX строфы Первой главы «Евгения Онегина»; в Пушкинском Доме сохранилась лишь *копия* с этого наброска, чернового, с авторскими поправками (этому автографу в августе 1924 г. исполнилось бы ровно сто лет, так как он писан был в августе 1824 г.); подлинный же автограф, как отмечено на этой копии, был подарен Павлом Васильевичем *Жуковским* (сыном поэта) известному академику-минералогу Николаю Ивановичу *Кокшарову* (род. 1818 г., ум. 1892 г.); автор интересных Записок, опубликованных в «Русской Старине» 1890 г., и множества стихотворений, которыми почтенный ученый, большой балетоман, грешил по разным случайным поводам, отзываясь стихами на разные юбилеи, бенефисы, обеды, именины и т. п. «случая», — он был поклонником Пушкина, — чем и объясняется подарок, сделанный ему П. В. Жуковским. Кокшаров знал ценность автографа и любовно сохранял его, но после его смерти листок затерялся, ни разу не попав в руки специалиста-пушкиноведа, и где теперь находится, неизвестно. Лишь благодаря случайности, приведшей в собрания Пушкинского Дома точную копию с него, мы имеем возможность лишний раз заглянуть в творческую лабораторию поэта и познакомиться с неизвестным до сих пор черновиком двух строф «Онегина»; черновик этот представляет, между прочим, еще тот интерес, что кроме многих первоначальных, зачеркнутых вариантов, мы находим в нем неотмеченный вариант одного эпитета, — во 2-м стихе XIX строфы, —

Внемлите мой *призывный* глас

вместо принятого затем:

Внемлите мой *печальный* глас

Строфы XVIII и XIX Первой главы «Онегина», как наглядно видно из таблицы, приложенной к исследованию М. Л. Гофмана о «Пропущенных строфах Евгения Онегина» («Пушкин и его современники», вып. XXXIII—XXXV, Пб., 1922, стр. 332 и 336; ср. стр. 23, прим.), были написаны Пушкиным не в порядке строф Первой главы, а гораздо позже окончания всей этой главы, — уже, повидимому (судя по положению их в тетради № 2370, лл. 20 и 20 об.), во время создания конца *Третьей* главы, почему и нет их ни в чисто-

вой рукописи, находящейся в Российской Публичной Библиотеке, ни в списке, хранящемся в Рукописном Отделении Библиотеки Российской Академии Наук: в последнем Пушкин вписал их лишь в конце тетради (лл. 30—30 об.). Известны только первоначальные черновики этих строф, находящиеся в рукописи Румянцовского Музея № 2370, лл. 20—20 об., — по отношению к которым Кокшаровский автограф является *второю* редакцией.

Вот текст затерявшегося автографа Пушкина; в прямых скобках поставлены слова, зачеркнутые самим поэтом:

Чтобъ только слушали его.

XVIII.

Волшебный край! тамъ, в стары годы.
[Бичъ] Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Ф. В., другъ свободы
И переимчивый Княжвинъ;
Тамъ Озеревъ невольни дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлялъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
[Эсхила] Корнеля Геній величавой,
Тамъ вывелъ колкой Шаховской
[Живыхъ] Своихъ комедій шумный рой
Тамъ и Дидло вѣнчался славой...
Тамъ, тамъ—подъ сѣнью кулисъ
Младья дни мои неслись.

XIX.

[И ихъ ужъ нѣтъ!] Мои богини! [съ вами] что вы, гдѣ вы
Внемлите мой призывный гласъ
Все тѣ-же ль вы? другія-ль дѣвы
Смѣнивъ, не [затемнили] замѣнили васъ?
Услышу-ль [снова] вновь я ваши хоры
Узрю ли русской Терпсихоры
[Очаровательный] Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылой не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной
И, устремивъ на чуждой свѣтъ
[Мой непризнательный] Разочарованный лорнетъ
[Безмолвно] Веселья зритель равнодушной
[Я] Безмолвно буду [молча унывать] я зѣвать
И о быломъ вспоминать?

XX XXII XXIII

Таким рядом точек заканчивался автограф, счастливым обладателем которого был некогда Н. И. Кокшаров.

Б. Модзалевский.



Автопортрет Пушкина.
(Из тетради Рум. муз. № 2369. л. 27 об.).

Один из одесских автопортретов Пушкина.

«Потомок негров безобразный», Пушкин не считал себя красивым, но и не относился пренебрежительно к своей наружности и свое лицо, хранившие некоторую печать экзотизма, справедливо находил оригинальным и интересным. Он любил рисовать себя, и среди набросков, которыми испещрены страницы его черновых тетрадей, часто мелькает его собственный характерный профиль. Сходство он вообще умел передавать мастерски; об этом свидетельствуют и показания современников, и множество дошедших до нас набросанных им портретов близких ему людей и исторических лиц. Несколько бегло нарисованных автопортретов мы находим в его одесских тетрадях, хранящихся в Румянцовском музее. Три я когда-то опубликовал в «Ниве» (1912 г., № 5, стр. 97) — они взяты из тетради № 2370, л. 6 об.; один, из тетради № 2369, л. 34 об., — в журнале «Голос Жизни» (1915 г., № 18, стр. 17). Теперь предлагаю вниманию читателей еще один¹⁾. Он набросан в тетради № 2369, л. 27 об., на полях черновика XI и XII строф 2-ой главы «Евгения Онегина», которая написана вся в Одессе, в 1823 г. Публикуемые здесь наброски можно отнести приблизительно к октябрю — ноябрю 1823 г.

Кого изображают эти женские головки, — портреты ли это реальных вдохновительниц поэта или создания его воображенья, едва ли это когда-нибудь удастся определить, но его самого мы узнаем сразу. Вот каков он был, тогдашний Пушкин, одесский Пушкин, *наш* Пушкин! Романтическая возторженность видна в этом благородном, задумчивом профиле, весь он дышет «гордой юностью». Взгляните на это вдохновенное лицо, и вы уже никогда не забудете его, вы будете видеть его перед собою всякий раз, когда придут вам на память чудные онегинские строфы, в которых прославил он и молодость нашего города и свою собственную молодость.

Н. Лернер.

¹⁾ Во время печатания настоящей книги была опубликована еще одна авто-карикатура Пушкина при статье Абр. Эфроса «Рисунки Пушкина» («Русск. Современник» 1924, II, стр. 213).
Ред.

Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г.

(По неизданным материалам).

Первое издание «Кавказского Пленника», выпущенное в свет в сентябре 1822 г., разошлось, как известно, очень скоро. Поэма имела настолько большой успех, что уже в середине следующего года поставлен был вопрос о ее переиздании. Отклонив предложение Н. И. Гнедича, Пушкин поручил осуществление нового издания, равно как и предисловие к нему, кн. П. А. Вяземскому¹⁾, но хлопоты, связанные с продажей и выпуском в свет «Бахчисарайского Фонтана», несколько задержали перепечатку «Кавказского Пленника». Лишь летом 1824 г. Пушкин счел необходимым возобновить переговоры с издателями о старой своей поэме.

«Слушай, душа моя, — писал он брату 13-го июня из Одессы, — деньги мне нужны. Продай на год Кавказского Пленника за 2000 руб., кому бишь?»²⁾). Однако, прежде чем переговоры, порученные брату, могли дать какие-нибудь результаты, стало известно, что некий Евстафий Ольдекоп, издатель «S. Petersburgische Zeitschrift» и столичный почтовый цензор, получил еще 17 апреля 1824 г. официальное дозволение на выпуск «Кавказского Пленника» вместе со стихотворным переводом поэмы на немецкий язык³⁾. Нет никаких сомнений в том, что приложенный к Пушкинскому тексту *перевод* прикрывал собою откровенную контрафакцию, и издательские расчеты Е. Ольдекопа связались со спросом на давно распроданный русский оригинал и с невозможностью для ссыльного автора защищать свои интересы. О том, как реагировал на известие об этом Пушкин, видно из его письма от 15 июля 1824 г. к П. А. Вя-

¹⁾ Переписка Пушкина, изд. Акад. Наук, том I, СПб, 1906, стр. 74—76.

²⁾ Op. cit., стр. 117. Ср. стр. 116 и 119.

³⁾ «Кавказский Пленник». Повесть. Соч. А. Пушкина. СПб. Печатано в тип. сост. при Особ. Канц. Мин. Вн. Дел. 1824. Der Berggefangene von A. Puschkin Aus dem russischen übersetzt. St Petersburg. 80. X+68 стр. (Цензурное разрешение А. Красовского «Апреля 17 дня 1824 г.»).

земскому: «я было хотел сбыть с рук *Пленника*, но плутня Ольдекопа мне помешала. Он перепечатал *Пленника* и я должен буду хлопотать по законам» (I, 125). Осведомляя П. А. Вяземского о предстоящей своей тяжбе с Е. Ольдекопом, Пушкин, очевидно, еще не знал, что его «дело» не только получило «законный» ход, но по существу уже и проиграно.

Доселе неизвестный документ — протокол С. Петербургского Цензурного Комитета от 7 июля 1824 г. — обнаруженный при разборке в 1917—1919 гг. материалов высших цензурных установлений, непосредственно вводит нас в своеобразную, не имевшую до тех пор прецедентов на русской почве, литературную тяжбу ссыльного Пушкина с Е. Ольдекопом.

С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ

въ засѣданіе «7» Іюля 1824 года

Слушали: 1) Прошеніе чиновника 5-го класса и кавалера Сергѣя Пушкина, въ которомъ изъясняетъ, что Г. Ольдекопъ, издатель нѣмецкаго журнала въ С. Петербургѣ, напечаталъ самопроизвольно вторымъ изданіемъ поэму сына просителя Александра Пушкина: *Кавказскій Пльнникъ* съ нѣмецкимъ переводомъ. Г. Пушкинъ во избѣжаніе таковыхъ противозаконныхъ поступковъ, проситъ Цензурный Комитетъ впредь уже не позволять печатать никакихъ сочиненій сына его безъ письменнаго позволенія самого автора, предъявленнаго отъ него издателемъ, или безъ личнаго его, просителя удостовѣренія. Изъ сего исключаются мелкія пьесы, помѣщаемыя во всякаго роду журналахъ; но не съ тѣмъ, чтобъ изъ собранія оныхъ составлена была книга.

Справка: Въ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ Уставѣ о цензурѣ нѣтъ законоположенія, которое обязывало бы Цензурный Комитетъ входить въ разсмотрѣніе правъ издателей и переводчиковъ книгъ.

2) Г. Ольдекопъ напечаталъ стихотвореніе сына просителя *Кавказскій Пльнникъ* не особою книжкою, а вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ онаго въ стихахъ, сдѣланнымъ съ напечатаннаго прежде Русскаго подлинника, и при томъ съ примѣчаніями нѣмецкаго переводчика. Впрочемъ Г. Ольдекопъ объявлялъ Цензору, разсматривавшему сіе новое изданіе, о желаніи своемъ предварительно снестись по сему предмету съ сочинителемъ Кавказскаго Пльнника.

3) Ни отъ сочинителя сего стихотворенія, напечатаннаго первымъ изданіемъ во С. Петербургѣ въ 1822 году особою книжкою, ни отъ отца его, Г. Чиновника 5-го класса Пушкина, прежде сего не было подано въ Комитетъ прошенія о запрещеніи печатать другимъ стихотворенія его сына вмѣстѣ съ переводами ихъ на иностранныя языки.

Опредѣлено: I), хотя въ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ Уставѣ о Цензурѣ нѣтъ постановленія, которое обязывало бы Цензурный Комитетъ входить въ разсмотрѣніе правъ издателей и переводчиковъ книгъ; но какъ Г. Чиновникъ 5-го класса Сергѣй Пушкинъ вошелъ нынѣ въ Комитетъ съ вышепрписаннымъ прошеніемъ: то дать знать обо ономъ Г. Ольдекопу, сообщеніемъ ему копии съ сего прошенія, по содержанію котораго впредь уже не позволять печатать никакихъ сочиненій сына просителя безъ письменнаго позволенія самого автора, предъявленнаго отъ него издателемъ, или по крайней мѣрѣ, безъ личнаго удостовѣренія его отца о такомъ на сіе позволеніи, исключая изъ сего запрещенія мѣлкія піэсы, помѣщаемыя въ разныхъ журналахъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы изъ собранія и таковыхъ піесъ не было составлено особыхъ книгъ. II), Для надлежащаго исполненія сего опредѣленія Комитета на будущее время сообщить каждому изъ г.г. Цензоровъ копию съ сего журнала.

Александръ Бируковъ.
Александръ Красовскій.
Карль Фонъ Поль.

Секретарь Василій Комовскій.

Таким образом, соглашаясь на ограждение авторских прав Пушкина в будущем, несмотря на полное отсутствие у нас соответствующих законоположений, С. Петербургский Цензурный Комитет не нашел никаких оснований для преследования Ольдекопа за перепечатку «Кавказского Пленника» и, сообщив «обвиняемому» копию заявления Л. С. Пушкина, лишь предложил ему «впредь уже не печатать никаких сочинений сына просителя». Можно предполагать, что некоторое время Е. Ольдекоп был не прочь от материального удовлетворения Пушкина. То или иное соглашение с последним, казалось, было тем более для него обязательно, что сдавая свое издание в цензуру, он объявил о «желании своем предварительно снестись по сему предмету с сочинителем Кавказского Пленника». И,

действительно, слухи о соглашении Ольдекопа с Пушкиным циркулировали довольно упорно,—к началу осени Ольдекоповское издание появилось в Москве¹⁾—и кн. П. А. Вяземский поспешил 9 сентября 1824 г. обратиться к В. А. Жуковскому со следующим запросом: «Ты вероятно знаешь, что Ольдекоп перепечатал незаконно поэму Кавказского Пленника, что Сергей Львович протестовал, что продажа была остановлена и проч. Теперь прислали в Москву на продажу. Я писал о том Шаликову, который говорил Ширяеву, который сказал, что Сергей Львович сделался с Ольдекопом и позволил ему продавать свое издание. Узнай, сделай милость, сейчас от Сергея Львовича, правда ли это? Если же нет, то пусть он немедленно напишет мне предьявительное письмо, которым я воспользуюсь для удержания продажи. *Не надобно же дать грабить Пушкина. Довольно и того, что его дают.* Если Серг. Львов. нет в Петербурге, ни сына его Льва, то ты можешь узнать о деле от Гнедича или Плетнева, и тотчас отписать мне, а я через Оболенского (Председ. Моск. Ценз. Ком. Ю. О.) все могу предварительно остановить продажу»²⁾.

В. А. Жуковский, переговорив с бар. А. А. Дельвигом, выяснил, что никакой сделки нет и ответил в том смысле что «продажа нового издания незаконна». Однако, в виду того, что книгопродавец Ширяев продолжал утверждать, что «Ольдекоп заплатил Серг. Львов. за право продавать свое издание», кн. Вяземский запросил уже самого поэта «которое из двух обстоятельств справедливо» и рекомендовал немедленно выслать доверенности в Москву и Петербург «для остановки продажи»³⁾. В ответе Пушкина от 10 октября из Михайловского значилось, что «Ольдекоп украл и соврал! Отец мой никакой сделки с ним не имел. Доверенность я бы тебе переслал, но погоди; гербовая бумага в городе, а я в глухой деревне. Если можно без нее обойдись, то начни действия, единственный, деятельный друг!»⁴⁾.

Между тем, до Москвы, очевидно, уже дошло приведенное нами постановление С.-Петербургского Ценз. Комитета об отсутствии формальных оснований для преследования Е. Ольдекопа,—и кн. Вяземский, осведомляя Пушкина 6 ноября, что «в Москве остановить продажу Ольдекоповского

¹⁾ Появление ольдекоповского издания в Петербурге следует отнести к концу июня—первым числам июля—до заседания С. Петерб. Ценз. Комитета, в котором обсуждался вопрос о его задержке по жалобе С. Л. Пушкина. На некоторое время продажа издания была задержана, но к осени возобновлена. Таким образом, предположение Н. Синявского и М. Цявловского, относящих выход издания в свет «после 17 апреля и до 15 июля» («Пушкин в печати», М. 1914, стр. 20) может быть ныне уточнено.

²⁾ П. Бартенева, «К биографии Пушкина», вып. II М. 1885, стр. 25.

³⁾ Переписка Пушкина, т. I, стр. 135.

⁴⁾ Op. cit., стр. 136.

Пленника нельзя», так как у нас «и в законах ничего не придумано на такой случай», рекомендовал обратиться к новому министру Нар. Просвещ. Шишкову и «просить его о защите как министра и старейшину литературы нашей». Лаконические ответные строки Пушкина в письме от 29 ноября: «Ольдекоп, мать его в рифму; надоед! Плюнем на него и квит»¹⁾—неожиданно завершили затянувшуюся тяжбу о «Кавказском Пленнике». Отнюдь не как попытку возобновить то дело, а как стремление оградить себя от возможности «новой плутни», надлежит рассматривать обращение Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г. Очевидно, к этому времени Ольдекоповская перепечатка была уже распродана; Пушкин возвратившийся после нескольких лет вынужденного отсутствия в Петербург, стал получать предложения о новом издании поэмы (она вышла в свет в следующем году с отметкой: «Второе исправленное издание») и, вполне естественно, не мог не опасаться, как бы Ольдекоп и на этот раз его не предупредил. Однако, на краткое изложение обстоятельств проигранного в 1824 г. дела и просьбу об ограждении впредь «от подобных покушений на свою собственность», Пушкин получил через месяц сухое разъяснение 3-го Отделения, что на письмо «о перепечатании Г. Ольдекопом Кавказского Пленника вместе с Немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что Родителю Вашему объявлено было теми, от которых это зависело. Перепечатание ваших стихов, вместе с переводом, вероятно последовало с позволения Цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где находятся положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками»²⁾. Пушкин, однако, не оставил без возражений жандармской отписки. «Вы изволили весьма справедливо заметить—писал он 10 сентября 1827 г. А. Х. Бенкендорфу—что и там, где находятся положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками. Но сие относится только к сочинениям древних или умерших писателей; если же допустить у нас, что перевод дает право на перепечатание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищника»³⁾.

В то время, как писалось это письмо, в Петербурге шел уже пересмотр нашего законодательства о печати, и в утвержденный 22 апреля 1828 г. новый цензурный устав впервые введены были статьи об авторском праве и его защите. Во внимание принят был и любопытный казус с пере-

1) *Op. cit.*, стр. 144-145; 150.

2) *Op. cit.*, т. II, стр. 32-34, 38, 40.

3) *Op. cit.*, стр. 44-45.

печаткой «Кавказского Пленника». О том, с каким удовлетворением принято было Пушкиным это запоздалое признание выдвинутых им в 1824 г. положений, видно из только что ставшего известным письма его к бар. Баранту¹⁾). На запрос последнего о законах, охраняющих права литературной собственности в России, великий поэт 16 декабря 1835 г. писал: «La littérature n'est devenue chez nous une branche considérable d'industrie que depuis une vingtaine d'années environ. Jusque là elle n'étoit regardée que comme une occupation élégante et Aristocratique... Personne ne songeant à retirer d'autre fruit de ses ouvrages que des triomphes de société, les auteurs encourageoient eux mêmes la contrefaçon et en tiroient vanité, tandis que nos académies donnoient l'exemple du délit en toute conscience et sécurité. La première plainte en contrefaçon a été porte en 1824. Il se trouva que le cas n'avoit pas été prévu par le législateur. La propriété littéraire a été reconnu en Russie par le souverain actuel».

Ленинград
17 августа 1924 г.

Ю. Оксман.

¹⁾ По автографу, обнаруженному в Париже. опубликовано М. Л. Гофманом в альманахе «Недра», кн. III, М., 1924, стр. 171.

Источники и замысел „Бориса Годунова“.

О Пушкине всегда хочется сказать слишком много, всегда наговоришь много лишнего и не скажешь всего, что следует.

В. О. Ключевский.

И. Н. Жданов опроверг слишком прочно державшееся мнение Полевого и Белинского о рабской зависимости «Бориса Годунова» от Карамзина и доказал самостоятельное изучение Пушкиным исторических документов¹⁾. Дальнейший шаг в изучении источников этой драмы представляет исследование Ф. Д. Батюшкова: «Пушкин и Расин», установившее зависимость трагедии от «Гоффоли» Расина²⁾. М. М. Покровский указал на сходство Бориса с королями Шекспировских хроник и сцены прощания его с сыном — с соответственной сценой «Генриха IV»³⁾. Ф. Д. Батюшков в своем введении к трагедии в издании С. А. Венгерова как бы старается ослабить эту точку зрения, видя в Шекспире лишь «принципиального руководителя» Пушкина при сочинении трагедии⁴⁾. Еще раньше В. Чехихин сопоставил «Бориса» с Гетевским «Гецом»⁵⁾. Хотя доводы его в пользу этого сближения крайне неясны и невразумительны, однако самая попытка сопоставить обе трагедии заслуживает полного внимания, почему к ней и вернулся В. А. Розов⁶⁾, ограничившийся однако только чисто внешним указанием на близость «Бориса» к «Гецу» и «Эгмонту». Приходится очень жалеть, что остался, повидимому, непечатаемым, доклад о «Пушкине и Гете» кн. А. И. Урусова, известный только из воспоминаний о нем⁷⁾. Этот чуть-ли не самый глубокий кри-

¹⁾ Сочинения, II, стр. 99—134.

²⁾ Собр. Петерб. Унив. 1900, стр. 1—34.

³⁾ Shakespeare Jahrbuch XLIII, 1907, S. 179—196. Ср. изд. Венг. т. IV, 1—20.

⁴⁾ т. II, стр. 296—307.

⁵⁾ «Пушкин и Гете»—«Наблюдатель» 1900, № 1, 40—64.

⁶⁾ «Пушкин и Гете», Киев, 1908, стр. 7.

⁷⁾ Собр. соч. кн. А. И. Урусова, т. II—III, 1907, Москва, стр. 482.

тик русского театра, наверно, и в сравнении обоих поэтов обнаружил свойственную ему тонкость понимания поэзии.

С «Гецом» «Бориса» прежде всего можно сблизить из-за техники слишком быстро сменяющихся сцен. Но она заимствована самим Гете у Шекспира и была скоро им оставлена под влиянием Лессинга¹⁾. Возможно, стало быть и у Пушкина, минуя Гете, возводить непосредственно к первоисточнику, хотя отдельные сцены его трагедии главным образом по своему месту и значению в экономии пьесы слишком напоминает «Геца». Для примера можно указать хотя бы на сцену II акта в комнате Адельгейды с ее служанкой: она открывает замыслы властолюбивой женщины совершенно так же, как разговор Марины с Рузей. Но еще больше сходства представляет по значению в экономии пьесы вторая сцена «Геца» со сценой в корчме у литовской границы. Беседа патриарха с игуменом вводит зрителя в круг слухов о самозванце, но признает его и открыто называет лишь один из монахов в корчме. «Гец» открывается толками крестьян про Берлихенгена, но признает его точно также только монах Мартин в беседе с ним в лесной корчме. Его послал из Эрфурта аббат по делам монастыря совершенно так же, как и Варлаам с Мисаилом — бродяги по делам своей обители. Его восторги насчет вина и женщин вполне совпадают с помыслами Варлаама, но зная обычаи наших монастырей, Пушкин ввел двух монахов-сборщиков, взаимно следящих друг за другом. Но если Пушкин и взял у Гете кой-что для характера одного из своих иноков, то этот заимствованный слой он с лихвой прикрыл красками, взятыми из своего личного знакомства²⁾ с монахами хотя бы того соседнего с Михайловским монастыря, под надзор настоятелю которого он был отдан³⁾. Еще сильнее напоминает главное женское лицо «Геца» Адельгейда Пушкинскую Марину: ее приемы оболъщения и подчинения Вейслингена совершенно те же, какими и Марина пленяет Григория. В доступной Пушкину мировой литературе нет другой женщины, которая бы ближе Адельгейды подходила к Марине. Но все еще неиспользованная переписка Пушкина доказала, что и в этой роли он личным встречам обязан больше, чем книгам. 13 сентября 1825 г. пишет Пушкин Вяземскому (№ 208 Ср. № 214): «моя Марина — славная баба. Настоящая Екатерина Орлова»⁴⁾. Это признание — лучшее доказательство того, как сильно проникали впечатления и образы, взятые из окружающей поэта действительности, даже в такие его произведения, которые можно было бы иначе признать лишь за попытку вос-

1) W. Sherer, «Deutsche Rundschau» 1881, февр., 290.

2) Ср. общие замечания проф. Е. В. Петухова. Изд. Венг. II, 376.

3) См. А. И. Яцимирский, там же, т. VI, 328 слл.

4) Переписку цит. по Академич. изданию.

кресить мир, изученный по документам и книгам. И в этой связи с жизнью Марины не надо ли искать объяснения особой жизненности и яркости ее образа? Д. В. Аверкиев полагал, что «Б. Г.» «знаменует собой поворот к сближению новой трагедии с античной», и видел в ее строю сходство с трагедиями Софокла. Доказать это ему однако не удалось, да едва ли это сопоставление и правильно. Зато остались, повидимому следы, доказывающие, что сам Пушкин едва не повел разработку всей своей трагедии по совершенно особому пути. В первое издание ее он не внес короткую сцену у монастырской ограды¹⁾. В ней участвуют Григорий и злой чернец. Начинается она жалобой Григория на скуку своего бедного житья²⁾. Мечтая о том лишь бы воскрес убитый царевич Дмитрий, Григорий слышит возражение чернеца, что мертвецы не воскресают, но затем он предлагает Григорию другую затею, за которую будто бы и сам взялся, будь он помоложе и тут же, подчеркнув легковерие народа, указывает, что Григорий — ровесник убитому царевичу. Этого довольно, чтобы Григорий воскликнул: «Решено: я Дмитрий, я царевич» и сцена кончается словами чернеца: «Дай мне руку, будешь царь!» Сцена эта, по первоначальному плану непосредственно следовавшая за сценой в келье Чудова монастыря, должна была представить самозванца орудием в руках этого злого чернеца, с которым он здесь как будто заключает договор, определивший весь ход его дальнейшей жизни, трагически оборванной в Московском Кремле. Это позволяет сближать ее со знаменитой сценой договора между Фаустом и Мефистофелем. Его собственный отрывок «Фауст», замысел которого относится к тому же 1825 г.³⁾ весь построен на «мотиве хандры и сознания пустоты жизни»⁴⁾. Очень важно, что именно этот же мотив положен в основу вступительной песни Григория. Начав увлекаться трагедией Гете еще на юге, Пушкин как бы стоял перед искушением показать в великой трагедии московской смуты историческое воплощение концепции Гете. Это несомненно придало бы характеру Дмитрия совсем иной облик и поставило бы трагедию Пушкина в связь с величайшим памятником европейской литературы. Но то самое чувство родной истории, которое делало, по счастливому выражению Ключевского⁵⁾ из Пушкина историка там, где он и не думал быть им, спасло его

1) Подробности см. в Академ. изд. т. IV, стр. 114—116.

2) Необычна для трагедии метрическая форма этого отрывка, написанного трехстопным октояром, на что обратил мое внимание проф. А. И. Белецкий, но эта метрическая сторона песни Григория вызвала уже давно споры между Тихомировым и Шевыревым. Для сближения со строем народных песен лучше принять предложенное первым деление на две части каждого стиха.

3) А. Горнфельд, Венг. изд., II, 408—416.

4) Алексей Веселовский. Этюды, 643.

5) Очерки и речи, стр. 59.

от этого искушения, заранее обреченного на неудачу. Сцену эту Пушкин читал С. П. Шевыреву, но едва ли нужно было влияние Дельвига или Мицкевича для ее исключения. Известно, например, что из «Капитанской дочки» он выпустил одну сцену потому, что сам остался ею недоволен ¹⁾. Соединяя в своем «Борисе» трагедию характеров с трагедией нравов и этим допустив неволью глубокую историческую ошибку ²⁾, Пушкин в нравах Московской Руси с грехом пополам еще мог найти материал для того, чтобы приблизить самого Дмитрия к очень широкому образу Фауста, но для московской параллели Мефистофеля не хватило даже Пушкинской фантазии и сцена эта, правильно им выпущенная, сохраняет чисто историческое значение лишнего доказательства влияния Гете на первоначальный замысел трагедии.

Работая над своей трагедией, Пушкин просил Жуковского 17 авг. 1825 г. (№ 498): «нельзя ли доставить мне или жизнь железного колпака или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьех-Минях, а мне бы очень нужно». Эти просьбы дошли и до Карамзина и 6 сент. кн. Вяземский уведомляет Пушкина (№ 204) будто Карамзин «хотел отыскать» нужное для него житие. Вяземский кроме того сообщает Пушкину совет Жуковского, что поэту самому «надо-бы выехать в лицах юродивого», тогда как Карамзин боялся, что он «в колпаке не много найдет пищи. Все юродивые похожи». Пушкин принял совет Жуковского и несмотря на опасения Карамзина, которому, по видимому, вторил и Вяземский, остался очень доволен выполнением этой роли. «Юродивый мой, малый презабавный», пишет Пушкин Вяземскому в октябре 1825 г., только что окончив пьесу, и тут же прибавляет: «хоть она и в хорошем духе написана, да никак не мог упрянуть всех моих ушей под колпак: торчат» (№ 214). Стало быть в эту роль вложил он наибольшую долю своих личных мыслей и чувств и поэтому к ней надо присмотреться внимательнее. Она чрезвычайно мала по объему: только в одной сцене на площади перед Московским собором появляется этот «Николка, железный колпак», как его дразнят мальчишки. С редкой скупостью на краски, Пушкин почти совершенно воздержался от всяких бытовых черт в его обрисовке, но зато тем большую силу драматического напряжения вложил он в его обращение к Борису. Плача над отнятой мальчишками копеечкой, Николка просит царя: «вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». Здесь впервые Борису приходится прямо в лицо принять то обвинение, какое раньше до него доползло окольными путями в виде подпольных

¹⁾ Н. Тихонравов, «Москвитян.» 1854, № 5, отд. IV, стр. 1—2; А. И. Негеленов, Шесть статей о Пушкине. СПб, 1892, 96—103.

²⁾ С. Платонов, Борис Годунов, 1921, стр. 154.

изветов. И актер должен передать на лице Бориса всю силу этого неожиданно перенесенного им удара, прежде чем он соберется с силами остановить угодливость бояр «схватить дурака». Царь, совладев с этим пронзившим его до сердца обвинением, велит оставить его и просит сам его молиться, но тут получает от него второй удар, еще сильнее: «нельзя молиться за царя-Ирода, богородица не велит». Этими словами юродивого Пушкин гениально замыкает сцену у собора: после них у Бориса должны были прирости ноги к земле и он шагу ступить не может дальше на пути к храму: зачем идти в собор, этот «дом богородицы», если сама богородица не велит за него молиться? Для московского царя, всю власть свою строившего на божественном начале и в молитвах искавшего опоры и оправдания каждому своему шагу, теперь этими словами отнята всякая почва: его трон может стоять прочно лишь под сенью соседнего «дома богородицы». По драматической силе удара эти слова юродивого равны той сцене Софоклова «Эдипа», где пастух против своей воли должен подтвердить темные слова прорицателя Терезия (ст. 1121-1181): они одинаково вырывают с корнем все основы жизни, как Эдипа, так и Бориса. Внешне эту роль юродивого повторил Островский в 4 сцене последнего акта «Дмитрия Самозванца», заставив своего юродивого появиться в польской шапке: она несомненная копия железного колпака Пушкинского Николки. Понадобилась эта сцена для удачного предсказания, что всем теперь, после Марининой свадьбы, придется надеть такие шапки: митрополит казанский не захотел надеть, его сослали. Этот намек подливает лишнюю каплю гнева в народную душу, но из-за того, что он сделан юродивым в толпе, за глаза Дмитрия, он остается бессильным и в ходе пьесы пропадает даром. Совсем бесцветен и бесполезен для пьесы юродивый Гриша в «Кузьме Минине» (13), которому Островский оставил только одну плаксивость Николки. Так страшный по силе своего удара рычаг Пушкинской трагедии у Островского превратился в лишний узор бытового жанра.

В различных статьях Венгеровского издания высказаны различные точки зрения на счет отношения «Бориса» к политическим вопросам современности. На взгляд Н. А. Котляревского (II, 482) «трагедия говорит несомненно о спокойном духе ее творца. Все политические и общественные вопросы отодвинуты в ней на второй план». Эту же точку зрения разделяет и Ф. Д. Батюшков: «при создании «Бориса Годунова» Пушкин выказал удивительную объективность. Личных намеков и указаний на собственные взгляды автора в вопросе об отношении к верховной власти мы не находим» и, отметив бурное время создания пьесы, близость Пушкина ко многим декабристам, Ф. Д. Батюшков все-таки настаивает

вает: «но Пушкин при создании «Бориса» был чужд всякой тенденциозности и глазами историка трактовал о событиях минувших» (стр. 305). Однако, автор следующей статьи «Народ и царь в трагедии Пушкина»—Н. П. Сильванский приходит к совершенно обратному выводу: изображая «равнодушную терпимость народа, Пушкин говорил не как историк, а как политик» (стр. 370). Эту политическую струю в трагедии подчеркнул со всей возможной для лицейской речи 1892 г. убедительностью И. Н. Жданов (Соч., т. II, стр. 134). Основу трагедии он видит в том, что «Борис, по взгляду Пушкина, только казался народным избранником. Между Борисом и русской землей, т. е. боярством и ее народом не было объединяющей связи. Борис не был земским царем». Оспаривая такое толкование, Н. П. Сильванский тем не менее слышит в трагедии отзвуки политических раздумий поэта. Итак, по этому вопросу исследователи образуют два противоположных лагеря, и он не может считаться решенным. Трагедия Пушкина окончена больше чем за месяц до того, как неожиданная смерть Александра в Таганроге оборвала напряженное настроение общества в годы беспроектной аракчеевщины, уничтожавшей всякую мысль о какой-либо связи царя с землей. Письма к Вяземскому невольно ставят вопрос: какие уши пришлось Пушкину прятать под колпак своего юрдивого? Правда, Пушкин запрятал их так ловко, что обманул бдительность не только николаевской цензуры 1831 г., когда пьеса была допущена к печати, но и двух ученых 1908 года. Но драматических цензоров он не сумел обмануть, и еще в 1833 г. цензор Ольдекоп помешал Московскому Малому театру поставить даже наиболее далекую от политики «сцену у фонтана», да еще при таинственном изменении заглавия в безобидную «Ночь»¹⁾. Является невольно вопрос, удалось ли бы ему обмануть болезненную чувствительность того, от кого он прятал свои уши? «Жуковский говорит, что царь простит меня за трагедию», пишет Пушкин Вяземскому и прибавляет: «но вряд ли, мой милый», а в предшествующем письме он прямо заявляет, как бы предвидя суждения Батюшкова и Котляревского: «я смотрел на характер Бориса с политической точки».

Проф. Н. Н. Фирсов показал²⁾, как отрицательно смотрел Пушкин на личность самого Александра, к которому относят его стихи:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой...³⁾

¹⁾ Н. В. Дризен. Драматическая цензура, СПб, 1917, стр. 143-144.

²⁾ Изд. Венг., т. VI, стр. 245-246.

³⁾ Ibid., VI, 212.

Но возможно, что если бы до Александра дошла трагедия Пушкина, его болезненная мнительность увидела бы в ней намек на страшную для него ночь 11 марта 1801 г., о которой опальный поэт хорошо помнил. Александра прежде всего должна была бы заинтересовать обрисовка личности Бориса и отношение к нему его поданных. Современный театр приучил Александра совсем к другим изображениям. На пороге театра он встречал угодливую фигуру придворного одописца, строившего свою лиру налад торжественных од XVIII века; трагедия устами Озерова вторила литаврам плац-парадов, сравнивая Александра то с Дмитрием Донским, то с Афинским героем Тезеем, сравнением с которым отблагодарил своего питомца пригретый при дворе Лагарп. Еще на лицейской скамье, почувствовав отвращение к «холодных од творцам ретивым», Пушкин предоставил другим с «кадильницей наемной» гоняться за счастьем и молвой и резко вырвал свою пьесу из этой панегирической рамки придворного театра заставив царя лицом к лицу столкнуться с юродивым Николкой. Это даром ему не прошло, как показывает хотя бы изданный в 1831 г. разговор о Борисе Годунове между учителем и помещиком¹⁾: они возмущаются не только поэтическими вольностями поэта, но их смущает и содержание драмы, хотя эту сторону автор не подчеркивает особенно, видимо не желая превратить свою критику в донос. Отдаленный при Аракчееве от «земли» еще дальше, чем Пушкинский Борис, Александр по своей болезненной мнительности мог на себя обратить пророчество Григория, что и ему не уйти ни от людского, ни от божьего суда. В жалобе на тягость шапки Мономаха и в сознании, что жалок тот, в ком совесть не чиста, Александр мог заподозрить передачу того, что он сам пережил после страшной ночи 11 марта 1801 г. Подобно Борису, Александр в молитвах Фотия или в радениях корабля Татариновой хотел застраховать себя от божьего суда, но по дороге к алтарю, перед ним, дошедшим до своего трона через пролитую кровь отца, со страниц Пушкинской трагедии выступал юродивый Николка со страшным приговором: за царя-Ирода молиться нельзя: богородица не велит!

Вот, что мог найти Александр в трагедии Пушкина. Ее глубокая политическая подкладка несомненна, и болезненно чуткий к намекам на тайны своей души Александр, конечно, не простил бы ее опальному поэту. Другое дело, умышленно или нет возникло это совпадение характера Бориса в обрисовке Пушкина с самыми уязвимыми чертами жизни Александра. Попытка бросить в лицо Александра клеймо

¹⁾ Перевяздан А. Станкевичем в «Русск. Стар.» 1890 № 11, 445-455. Автором его, как известно, является В. С. Филимонов.

царя-Ирода хотя бы устами юродивого — кажется слишком смелой, и единственным ее оправданием могло бы служить как раз к этому времени окончательно созревшее решение поэта бежать из невыносимой для него ссылки за границу¹⁾: на прощанье он мог оставить Александра сопоставленным с убийцей Борисом.

Однако, возможно, что эти схожие черты выступают только при черезчур подозрительном чтении «между строк». Поэтому, нисколько не настаивая на действительном умысле Пушкина, все-таки думаю, что к такому толкованию его замысла, помимо признаний к другу, дает повод и самое построение пьесы.

Б. Варнеке.

¹⁾ Изд. Венг. II, 369. Ср. спец. статью *М. А. Цявловского*, *Тоска по чужбине у Пушкина*, «Гол. Мин.» 1916. I. 35-60. Это тем более вероятно, что ставить «Бориса» на сцене Пушкин вообще не собирался, как это видно из письма его к Раевскому 1 апр. 1827 (№ 312).

Мелкие заметки к «Гавриилиаде».

Легенда о записательстве и признаниях Пушкина в авторстве смелой богохульственной поэмы, долгий запрет, тяготевший над нею по понятным соображениям, поскольку дело шло не о специально-исследовательском к ней интересе, но о настроениях рядового читателя, всегда особенно падкого на произведения этого рода,—все это обеспечило ее первому легальному изданию (1918) крупный, почти скандальный успех, интерес именно со стороны самого широкого читательского круга и в силу этого—почти одновременное появление ее в десятках более или менее плохих перепечаток. Пока полный текст «Гавриилиады» имел злободневный интерес—она породила лишь ряд честных и лицемерных недоумений¹⁾ и чисто научное использование ее уступило на время место обсуждениям этического и религиозного порядка. Новое издание ее, по возможности исправного текста, сделанное в 1922 году Б. В. Томашевским²⁾, снабженное образцовым комментарием, в котором исследователь резко ограничил себя пределами историко-литературного изучения, положило, наконец, прочное основание научному исследованию поэмы. Тщательная и умелая работа Б. Томашевского сразу же выводит нас на правильный путь ее оценки и толкования; она отнюдь не является только лишь сводкой имеющихся данных, какою предлагает ее считать сам автор (стр. 6): он выдвигает несколько новых точек зрения и своеобразно группирует уже известный материал. Поэтому здесь и нужны дополнения, разъяснения и поправки; комментарий такого исчерпывающего, в известном смысле даже канонического типа, какой дает Б. Томашевский в названном издании, неизбежно должен был обойти ряд очень существенных мелочей и некоторых важных вопросов и утверждать там, где еще требуется обсуждение, тем более

¹⁾ Несколько данных в моей статье: «Гавриилиада» Пушкина (по поводу издания В. Брюсова)—в журн. «Родная Земля» 1919, II, стр. 3. Ср. Пушкин, сборник первый. Ред. Н. К. Пиксанова, М. 1924, стр. 272-277.

²⁾ А. С. Пушкин. Гавриилиада. Редакция, примечания и комментарий Б. В. Томашевского. Петербург, МСМХХII.

что он касается одного из самых загадочных и малообъясненных созданий Пушкина. М. А. Цявловский показал недавно, что установление «дефинитивного» текста поэмы несколько преждевременно¹⁾. Со своей стороны, мне хотелось бы в настоящих заметках показать преждевременность слишком категорического решения и некоторых других вопросов, в первую очередь — вопроса об источниках поэмы²⁾.

1.

Пародическая традиция, к которой примыкает Пушкинская поэма, имеет свою длинную историю. Б. Томашевский дает некоторые примеры из литературы XVII-XVIII вв.: господствующее мнение до сих пор возводило «Гавриилиаду» к поэмам Парни. Следует, однако, пойти еще дальше и вспомнить, что и сам Парни, с его прославленными поэмами, в сущности, восходит к пародической традиции средневековья, особенно укрупнившейся именно во Франции. Меняется лишь конечная цель создания: тогда как Парни задается определенными целями противохристианской пропаганды, авторы средневековых пародий на священные тексты и сюжеты нисколько не выходят за пределы своей веры и наивного религиозного мирозерцания.

Уже между V-VIII вв. написана «Вечеря», долго приписывавшаяся Киприану Карфагенскому, в действительности же принадлежащая вероятно какому-нибудь шутнику клирику. Ее принято считать наиболее ранней из известных нам пародий на священные сюжеты. Широкая популярность ее на протяжении нескольких веков дает основание предполагать, что средневековье знало ряд произведений этого же типа. «Вечеря», пародирующая евангельскую притчу (Матф. XXII, 1—14).

¹⁾ «Тексты Гавриилиады». «Пушкин», М. 1924. стр. 163-176

²⁾ В дополнение к приводимым в статье М. А. Цявловского поправкам библиографического характера, отмечу, что для полноты библиографии в книге Б. Томашевского (стр. 108-109), следовало бы еще указать обычно ускользающее от исследователей свидетельство о «Гавриилиаде» лексикографа Н. П. Макарова (см. его «Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь» СПб 1881. ч I, стр. 100-101). Н. Макаров, имевший в 1831 году полный список поэмы, пропавший у него во время польского восстания, подробно рассказывает о том успехе, с каким она всегда читалась поэму Пушкина, зная ее наизусть, но впрочем приводит маловероятный заключительный стих поэмы, сохранившийся у него в памяти:

И звук сих струн тебе я посвятил .

По его указанию поэма была в *двух* песнях и по тексту значительно отличалась от заграничного издания 1873 г. «Говорили, что за эту ультрацензурную поэму в рукописи когда-то порядком досталось нашему народному поэту и что на своем смертном одре он горячо раскаивался в написании этой скабрёзности».

и ее три средневековых переделки¹⁾, действительно, не были единственными произведениями этого жанра, где действующими лицами являлись бог Отец, Иисус и персонажи Библии, которым приписывались наивно грубые действия и поступки. Средневековая литература дает нам множество бурлесков и пародий на священные темы: пародируются популярные молитвы и гимны (Pater, Credo, Ave Maria); гимн в честь богородицы (Vernum bonum et suave) превращается в застольную песню (Vinum bonum et suave), господня молитва — в похвалу Бахусу («Pater Bacchi, qui est in scyphis»...), наконец и вся масса подвергается той же участи: множество сохранившихся английских, немецких, итальянских рукописей содержат пародированную латинскую мессу²⁾. Прозаические пародии травили евангелие, проповедь, житие³⁾.

Почти все светское латинское творчество средних веков принято связывать с голиардами; их странствующая, пьяная и беспутная жизнь хорошо известна и как будто объясняет многое в вакхическом и зачастую вульгарном характере этой своеобразной литературы; но в сущности не всегда легко провести резкую грань между голиардической литературой и той, которая создавалась и существовала в любой монастырской ограде. Ни одного из авторов этих многочисленных пародий нельзя обвинять в преднамеренном желании нападать на церковь или оскорблять святыню.

Следует помнить, что такое исключительное липо, как Рабан Мавр, автор известного «Martirologium» (ум. в 842 г.), еще в IX веке с удовольствием забавлялся переделкой «Вечери» псевдо-Киприана и посвятил ее королю Лотарю. Дело здесь, очевидно, в той далекой для нашего понимания настроенности религиозной мысли, которая допускала грубую остроту и шутки рядом с мистическими взлетами гимна или молитвы, в том исключительном смешении набожности с распущенностью и богохульством, которое поражает нас и на порталах фландрских соборов, допускающих Мадонну в окружении вакхических оргий и сцен из быта кабаков.

Традицию пародирования евангельских сюжетов, молитвословия и всей церковной службы, особенно укореившуюся

¹⁾ Первая написана в 842 г. Рабаном Мавром, еписк. Фульдским, вторая написана в 876 или 877 гг. и принадлежит перу Jean le Diacre'a, третья — Азелю Реймскому (нач. XI в.). Об этих поэмах и пародиях вообще см. исследование *Francesco Novati*, *La parodia sacra nelle litterature moderne*, в его «Studi critici e letterari», Torino 1889, p. 267 sqq. Изложение «Coena» псевдо Кириана см. также: *Wright*, *Histoire de caricature*, vol. II, pp. 44-45. Большой материал, относящийся к вопросу о средневековой пародии, собран также в книге: *Eero Ilvonen*, *Parodies de thèmes pieux dans la poésie française du moyen âge*, Helsingfors, 1914.

²⁾ Большинство из них восходит, повидимому, к общему французскому источнику. *E. Ilvonen*, *op. cit.*, p. 5 sqq.

³⁾ Многочисленные примеры даны у *Novati*, *Wright'a*, *Ilvonen'a*.

в голиардической среде, можно встретить в XII и XIII вв. в повсеместном распространении; в XV и XVI вв. она поддерживалась у базощев и в других веселых обществах.

В XVII веке было написано много пародий на священные тексты, направленных против Ришелье и Мазарини. Особенно же продуктивен был в этом отношении конец XVIII века, который любил смеяться над церковью и религиозными предрассудками, пародируя библию и церковные молитвы. постоянно пользуясь при этом запасом старых формул и сюжетных схем. Заключительное развитие травестия этого типа получила, наконец, в поэмах Парни ¹⁾.

Характерно, впрочем, что во всех этих разнообразных шутках богоматерь играет наименьшую роль, и что среди этих многочисленных пародий не встречается пародий на евангельские рассказы о благовещении: я не решаюсь, по крайней мере, вслед за некоторыми исследователями к разряду этих пародий отнести известную новеллу Боккаччо (Decam. IV, 2), в которой брат Альберто, решив использовать для своих целей евангельский рассказ о благовещении, убеждает простоватую венецианскую красавицу Лизету, что небесный ангел, прельщенный ее красотой, придет к ней вечером для беседы и после этого в виде ангела действительно посещает ее. Источник этой новеллы ищут в «Пантчантре», но, кажется, нет необходимости предполагать здесь столь далекий литературный источник; сюжет мог быть подсказан самой жизнью. Отсутствие благовещения в темах средневековых пародий нужно объяснять культом богоматери и той преимущественной ролью, какая была ей дана средневековой догмой и бытом: Мадонна вызывала страстные любовные песни провансальских трубадуров; с тем же подъемом лирического и молитвенного восторга Кальдерон подвергал литературной обработке предание о благовещении, развертывая его в большой художественный замысел; оно делалось темой мистерий и предметом живописного истолкования. О намеренно-кощунственном подходе к теме не могло быть и речи.

Однако, именно благовещение, в гораздо большей степени, чем какое либо другое евангельское предание, с его необъяснимой тайной девственного зачатия, должно было очень рано привлечь к себе внимание богословской и поэтической мысли. Момент «реалистического», по терминологии Томашевского, истолкования благовещения отнюдь не являлся

¹⁾ Впоследствии поэмы Парни не пользовались особым распространением, однако еще в 1830 году был издан не для продажи итальянский перевод «La Guerre des Dieux» «Teomachia, poema eroico, di G. G. P. P.» (Giovanni Giuseppe Poggi Pimentino), (Parigi 1830); о последующих произведениях этого жанра, особенно плодившихся во Франции (в конце века пользовались некоторым распространением: *Gustave Frisson*, «La vie de Jesus, racontée par un matelot»; *Leo Taxil*, «La Bible amusante», éd P. Fort)—не стоит и упоминать.

изобретением философии XVIII века, да и те книжки, на которые притворно нападал Вольтер (Sepher Toldos Jeschu)¹). вовсе не являются продуктами рационалистического и анти-религиозного движения XVIII века. Toldos Jeschu, рассказ, которым пользовался Вольтер, помещен в редком собрании противохристианских анекдотов, изданном в латинском переводе в 1681 году и трактует, главным образом, о богоматери и земной жизни Христа, но широко известен был также средневековой габраистической литературе²). Иные из этих анекдотов, как и легенда о римском солдате (по другим версиям вавилоняине) Пантере восходят ко временам гностиков и иудействующих евионитов и, следовательно, имеют уже весьма внушительную давность. По учению гностиков первых веков, испытавших на себе сильное влияние иудейской рационалистической философии, Иисус был сыном Иосифа и Марии; таково, например, было учение Керинфа (или Меринфа, конец I в.), Ириней находил его следы у евионитов и предполагал его близким назареем; позднее к нему примыкал, вероятно, гностик Левкий Харин, автор «Transitum beatae semper virginis Mariae, genetricis Dei», осужденного декретом папы Геласия, как нечестивого и оскорбительного для ее достоинства («De libris recipiendis et non recipiendis decretum», cap. VI, § 28); некоторые элементы этого и подобных учений возродились у катаров, «произносивших хулу на богородицу», люцифериян и богомилов³). В оценке поэтических легенд о богоматери приходится считаться со следами и этих учений и отзвуками когда-то бурных богословских споров, возникавших вокруг догмата о «непорочном зачатии», отложившихся в сказаниях романских, так и славянских. Иной раз источник пародий на священную легенду нужно искать именно в фантастике и домыслах этих сказаний, напряженно искавших решения и объяснения таких фактов, о которых молчат канонические предания. Благодаря наивному реализму своих объяснений, для человека иной эпохи и миропонимания они прямо могли представлять из себя готовую пародийную схему. Можно почти определенно утверждать, что источниками многих пародий на религиозные темы, создавшихся в XVIII и XIX вв. были народные религиозные сказания, обращавшиеся в устных пересказах или закрепленные в литера-

¹) Б. Томашевский, *op. cit.*, стр. 56.

²) *Wagenselius*, *Tela ignea satanae hoc est arcani et horribiles Iudeorum adversus Christum Deum et christianam Religionem libri Anekdotoi*. Altdorfi Noricorum, 1681.

³) М. Поснов, *Гностицизм Киев*, 1917, стр. 180; *Döllinger*, *Beiträge zur Sektengeschichte...*, II, 260; К. Радченко, *Религиозное и литературное движение в Болгарии*. К. 1898, стр. 211. Л. П. Карсавин, *Очерки религ. жизни Италии XII—XIII вв.*, СПб., 1912, 61—62. Догмат о «непорочном зачатии» был предметом долгих ученых споров между францисканцами и доминиканцами. *Lecoq de la Marche*, *La chaire française au moyen âge*, Paris 1886, p. 373.

турной передаче: они воспринимались именно как сказания-пародии; не мало из них своевременно не попали в печать только лишь за их мнимую «кошунственность». Ряд подобных народных легенд, как увидим далее, можно было бы считать в числе источников «Гавриилиады».

2.

Источник «Гавриилиады» искали в поэмах Парни, хронологически наиболее близких к Пушкину из произведений подобного рода, и кроме того, несомненно ему хорошо известных. Не возражая против того, что Пушкин в своей поэме воспользовался некоторыми эпизодами из «La guerre des Dieux» и «Les galanteries de la Bible», Б. Томашевский решительно отвергает зависимость сюжета «Гавриилиады» от поэм Парни и предлагает источник его искать в апокрифических евангелиях. «Пушкин, пишет он, не восходит в своем сюжете к Farny. Он совершенно самостоятельно пародирует церковные предания». Все сюжетные мотивы «Гавриилиады» исследователь находит в апокрифических евангелиях, излагаемых им по сводному русскому переводу Веги, но полагает впрочем, что «вопрос о том, как могли попасть в руки Пушкина апокрифы, требует особого рассмотрения. Вернее предположить, что Пушкин читал не подлинные тексты апокрифов, а какие то изложения их»¹⁾. Отказываясь от наводящих указаний, Б. Томашевский открывает обширное поле для догадок и предположений.

Думается прежде всего, что нахождение пародируемого сюжета в апокрифических евангелиях, само по себе не может служить поручительством знакомства Пушкина ни с текстом этих евангелий, ни даже с какими либо их изложениями: вопрос осложнен тем, что именно в изложении обстоятельств благовещения не только учительная и проповедническая литература, гимны, иконопись и легенда, но даже и литургия, пользуются не каноническими евангелиями Матфея (I, 18-25) и Луки (I, 26-45), где рассказ об этом событии изложен, действительно, недостаточно полно, но именно евангелиями апокрифическими. С наименьшей степенью вероятия можно было бы сюжетные мотивы «Гавриилиады» искать напр. в текстах благовещенской церковной службы, насквозь пропитанной апокрифическим элементом. Здесь достаточно указать лишь на некоторые места служебной мины. Так, в 3-ем стихаре на «Господи воззвах», поющемся накануне благовещения, есть, между прочим, такие слова, которые не имеют ничего общего с каноническим евангельским текстом: «радуясь невестная отроковице, неискусобрачная, недовися

¹⁾ Б. Томашевский, *op. cit.* стр. 56—59.

странному взору и не ужасайся, архангель бо есмь. Змии прельсти Еву иногда, и ныне благовестую тебе радость». Иные из благовещенских стихарей последовательно развивают и мотив страха Марии, ее боязнь обмана, ее ссылку на обольщенную Еву: «словесы лестиши мене; не прельстиши человеце, якоже прежде Еву праматерь змий лестивый»¹⁾. Здесь очень характерны и диалогическая форма и мотивировка, опирающаяся не столько на церковное предание, сколько на психологически-объяснимую, чисто житейскую картину: недоверие, испуг молодой девушки, опасавшейся искушения и в то же время несколько польщенной. Также и основная часть благовещенской службы— канон, в композиции которого усматривают пролог и диалог между Гавриилом и Марией, последовательно развивает те же основные моменты предпраздничных песен, но добавляет к ним, на той же основе апокрифических преданий и психологических пояснений, мотив недоверия Иосифа к положению Марии, его сомнений и, наконец, радости.

Нужно отказаться, однако, от заманчивой возможности, минув апокрифические евангелия, возводить сюжетные мотивы «Гавриилиады» прямо к текстам православной благовещенской службы, хотя бы эпохи «насилованного гонения» Пушкина. Все эти сюжеты полностью мы найдем также в учительной литературе и христианской иконографии. Монах Яков (XI в.) в одной из своих проповедей повествует о пред-благовещении у колодца и знает также об обстоятельствах разговора бога с Гавриилом, предшествовавшего благовестию, а в слове Софрония, патриарха Иерусалимского (VII в) целая XXVI глава его проповеди на благовещение посвящена разбору доказательств Архангела, что он «не искустель Евы и не виновник несчастья людского рода»²⁾. Все эти мотивы не исчезают из учительной литературы и в последующие эпохи.

Традицию апокрифической мотивировки встречаем, конечно, и в иконописи; между прочим, иные из итальянских живописцев, в порядке того же реалистического освещения, изображают Гавриила в виде нарядного разодетого молодца, каким появлялся он и в благовещенской мистерии (Боттичелли, Тинторетто, Веронезе); недаром в тосканских народных песнях до сих пор поется об ангеле Гаврииле, что ни на есть самом красивом в целом рае:

...l'angel Gabriello
Il più bel santo che sia in paradiso³⁾.

1) И. Свенцицкий, Архангеловы вещания Марии, - Зап. Наук. тов. Им. Шевченко., т. LXXVI, стр. 11.

2) Свенцицкий, *op. cit.*, стр. 37 и сл.

3) А. Н. Веселовский, Собрание сочинений, т. IV, вып. 2, стр. 125.

У других художников, как Фра-Анджелико, Гирландайо и Франчии, Гавриил представлен в демоническом образе искушителя.

Кажется, однако, что Б. Томашевский имел в виду эти необходимые оговорки: указывая на т. наз. «первое» благовещение, он замечает: «об этом первом благовещении молчат канонические евангелия. Однако апокрифическое сказание настолько проникло в традицию, что напр. игумен Даниил в своем «Хождении» описывает тот колодец, у которого Мария услышала благовествовавший голос» (стр. 57). Действительно, в хождении Даниила мы встречаем рассказ о пред-благовещении у колодца, встречающийся в Protoevangelium Jacobi и Pseudo-Mathei evangelium; однако традиция оказалась настолько прочной, что его оставила в полной неприкосновенности и современная нам богородичная легенда¹⁾. Все это заставляет предполагать, что если Пушкин действительно говорит о двукратном благовещении, то о нем он мог узнать, конечно, не только из апокрифических евангелий, но и из памятников живописи, и конечно, скорее всего, из устных преданий, особенно распространенных на юге, и, между прочим, в той Бессарабии, где писалась его поэма. Некоторые подробности «Гавриилиады» напоминают народные легенды. Среди таких легенд, легенды о благовещении являются очень распространенными²⁾.

¹⁾ П. А. Заболотский. Легендарный и апокрифич. элемент в хождении иг. Даниила. Варш. 1909, стр. 36. Сказание о пред-благовещении знают легенды галицко-русские (Н. Ф. Сулицов, Очерки из ист. южно-русск. апокрифич. сказаний, — «Киевск. Стар» 1887, IX, стр. 9) и румынские (С. Чебан, Румынские легенды о Богородице, — «Этногр. Обзор.» 1911 № 3-4, стр. 11-12) Столь же прочным оказался этот мотив и в иконописи; его находим уже на диптихе IV в. на окладе евангелия Миланского собора. Н. Покровский (Евангелие в памяти христ. иконографии М. 1890) указывает на ряд изображений благовещения у колодца, начиная с V века. На Руси мы встречаем его уже на мозаике К.-Соф. собора и на множестве икон, иногда с любопытными вариантами. — Е. В. Барсов, О воздействии апокрифов на обряд и иконопись. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1885, XII, стр. 107-109.

²⁾ Существует, между прочим, большая группа легенд, в которых рассказ о «благовещении» поставлен в связь со сказочным мотивом зачатия от цветка. В одной румынской легенде «какой-то молодой, красивый юноша» приносит Марии цветок; она прячет его за пазуху, после чего становится беременной (Чебан, op cit. стр. 13). Этот мотив невольно напоминает ст. 320 - 330 «Гавриилиады»:

Мария зрит красавца молодого,
У ног ее, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветок ей подносит... и т. д.

Чтобы не останавливаться далее на народных преданиях, укажу, что вводный эпизод «Гавриилиады» о грехопадении, возводимый Б. Томашевским к Мильтону, также мог иметь корни в народном сказании. Чубинский приводит южно-русское сказание, где повествуется о том, что когда бог выгвал

Возможно, однако, что источники поэта были и иные. В ст. 336 Пушкин сам делает указание, которым необходимо воспользоваться. Ст. 132—140 читаются так:

Потом, призвав любимца Гавриила
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал,
Но говорят армянские преданье.
Что царь небес, не пожалев похвал.
В Меркурии Архангела избрал
Заметя в нем и ум и дарованье,—
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести и т. д.

«Ссылка на армянское предание, говорит Томашевский, показывает, что Пушкин обращался к каким-то литературным источникам, трактующим обстоятельства благовещения» (стр. 58). Однако, как видно из контекста, «армянское предание» говорит не столько о самом благовещении, сколько об обстоятельствах, ему предшествующих, точнее о беседе бога с Гавриилом.

Такой диалог, действительно, существует в литературной обработке: он принадлежит к весьма распространенным памятникам христианской письменности, мог найти соответствующее отражение в письменности армянской или сообщен Пушкину в устном пересказе¹⁾.

Адама и Еву из рая, он послал к изгнанныкам Гавриила, который научил их сеять хлеб и коноплю. Пользуясь этим, дьявол принял образ Гавриила и, уча их «науке любви», прельстил Еву, отчего и родился Каин; сказание подчеркивает, что Каин, знавший свое происхождение, не любил Адама: «він, бачте, знав, що його батько — той ангел, котрого бог вигнав из неба» («Труды этнографич. экспед. в западно-русс. край» Спб. 1872, т. I, стран. 146—147). Легенда эта носит явные следы богомильских воззрений (*М. Драгоманов*, «Заб'ял'жки в'рху славянскит'б религиозно-етически легенди» — «Сборн. за нар. умотв.» т. X, стр. 5), но вполне последовательно объясняет поступок Каина его дьявольским отцовством. Среди румынских сказаний о богородице, собранных в книге Marian'a, существует легенда, не имеющая параллели в русских сказаниях, но очень интересная тем, что в рассказ о пред-благовещении она вносит эротический мотив. Богоматерь отправляется к колодцу, где находит маленькую иконку, которую и прячет за пазуху. В это время один из служителей Ирода поил у того же колодца лошадей. Увидев девушку, «красивую как роза», он пытается отнять у нее эту иконку. Встретив с ее стороны сопротивление, он безжалостно начинает бить ее арапником, связывает уздечками и хочет потащить ее к себе в дом, — но Мария разрывает уздечки на мелкие кусочки; зачатие происходит от иконки, спрятанной у груди. (*Чебан*, op. cit, стр. 14).

¹⁾ Заметим, кстати, что в Бессарабии 20-х гг. было много армян, а Кишинев был резиденцией армянского архиепископа. В Кишиневском дневнике Пушкина отмечено «bal chez l'archevêque arménien». Здесь имеется в виду преемв. Григорий (Захарьянов), архиепископ обитающих в Бессарабии армян». См. *Арх. Гавриил* (Айвазовский), Армяно-грегорянск. архiereи в Новороссия и Бессарабия — «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.» т. IX, стр. 163.

В церковно-славянской письменности, в списках болгарских, сербских и русских известны два слова на благовещение, приписываемых Иоанну Златоусту, которые в диалогической форме передают беседы архангела с господом перед благовестием и дальнейший разговор Гавриила с Марией. В славянскую письменность они очень рано (Супрасльск рукопись, Златоструй XII в.) попали из византийской, и сохраняются в очень большом количестве списков¹). Произведения эти, конечно, опираются не на тексты канонических евангелий Луки и Матфея, а на евангелия апокрифические.

Первое из этих слов («Паки радости Благовѣщение») слагается из нескольких частей: во вступлении материнство невинной Марии противопоставлено греху праматери—Евы, приведены давние пророчества, а затем в *диалогической форме* изложена беседа бога с Гавриилом перед благовестием. Характерно, что Гавриил очень озадачен возлагаемым на него поручением и бог дает пояснения, предостерегая своего посла, чтобы он не испугал Марию. Сомнения архангела этим не поколеблены и он размышляет: «дивно дѣло прѣходитъ оумъ... Иже жеровимомъ страшнѣъ и серафимомъ невидимъ. Иже есть аггельским силам неразоумно. Обѣштаваѣетъ дѣвци самъ своимъ лицемъ пришьствие явити. Паче же вѣходъ слоухомъ обѣштаваѣетъ ѳеи. И осудивый Еугу дѣштеръ своія велми славити грядеть... то может ли чрѣво вмѣстити невмѣстимаго». Сомнение ангела Господь пытается разрешить примерами из жизни Захарии и Елисаветы, Сары, Ревекки и Анны. Но все это были люди, которые людям же давали жизнь, и потому Гавриил спрашивает вновь: «небесѣти і земьстии коньци не вмѣстятъ тебе владыко, то како тя вмѣститъ чрѣво дѣвиче?» В ответ Господь ссылается на явление троицы Аврааму и на неопалимую купину Моисея. Только тогда Гавриил, наконец, исполняет волю господню и является к Марии с благовестием²).

В другом слове «И царьскихъ тайнъ празднѣство празднѣствуемъ днесъ...»³), которое Свенцицкий предлагает считать как бы продолжением первого⁴), полнее развернут диалог Гавриила с Марией. В этом диалоге, полном живости и очень тонких реалистических подробностей, как бы намечена уже вся схема разговора пушкинской Марии с сатаной и потом с Гавриилом. У Пушкина (ст. 441—447):

¹) Перечень их—в названной выше работе И. Свенцицкого, Зап. Наук. Тов., т. LXXVI, стр. 7.

²) Супрасльская рукопись, изд. С. Северьянова, Спб. 1904, стр. 248—251

³) И. И. Срезневский, Древн. памятн. русск. письма и языка. Спб. 1863, стр. 192—195 напечатал его по тексту Златоструя XII в

⁴) Свенцицкий, *op. cit.* стр. 16

И перед ней коленопреклоненный
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор прекрасная вздыхала
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь она красела и молчала.
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня», Мария прошептала...

В слове — Мария, на привет архангела, посмотрев на него и ужаснувшись его красоте, замечает, что с его стороны нехорошо девушку подвергать такому испытанию и велит ему уйти от нее: «не годѣ ми іеси. Мьню прельстити мя хочещи, яко же Еґоу (Еву) матерь бывшиу всього рода. Не предолѣиеть доброта твоіего зрака. Совѣсть іеже к оброучникоу моіемоу имамъ». Иди отсюда, повторяет она, потому что ревнив мой старик-муж; может случиться, что «приобращеши себе скорбь». Но Гавриил не унимается и все твердит: «Радуйся обрадованная, Господь с тобою». Далее, согласно повествованию канонических и апокрифических евангелий, предметом разговора служит самое предсказание, но и здесь сомнения Марии рассеиваются не сразу.

Если зачну сына, рассуждает она, то только от Иосифа, но в таком случае, как он может стать великим? Обручение мое нищ, а у меня нет ни достояния, ни богатой родни, а потому и сыну придется платить дирахму подати. Иди себе во-свои, говорит она Гавриилу, не говори мне льстивых земных речей, чтобы Иосиф не покинул меня, а тебе не отрубил бы топором головы. С большим трудом, Гавриил, наконец, исполняет свое поручение. Как бы мы не отнесли к попытке Свенцицкого доказать, что в данном случае мы имеем дело с двумя частями одного цельного благовещенского слова, нельзя вместе с ним не признать, что автор его основал свое повествование на канонических и апокрифических текстах, но осмыслил их житейскими наблюдениями. Потому-то он и обращает внимание на красоту благовестника, которую не могла не заметить Мария, даже застыдившаяся и напуганная. Она боится быть обманутой, и это подтверждает, что она может стать хорошей матерью. В этих чисто реалистических подробностях — основная ценность этого слова, как художественного произведения, и именно они, развиваясь в целые эпизоды, могли дать основание сюжету для кощунственной поэмы.

Я не берусь утверждать, что эти распространенные произведения славянской письменности могли быть известны Пушкину, хотя в этом нет ничего невероятного. Следует помнить, что живя в Кишиневе Пушкин не только имел доступ к библиотеке И. Н. Инзова, состоявшей из книг

богословских и мистических¹⁾, но и несомненно пользовался ею. Мы знаем о столкновениях поэта на религиозной почве с кишиневским духовенством, составлявшим инзовский кружок²⁾, о том кощунственном настроении, которое овладело им в период его принуждения к исполнению христианской обрядности. Все это направляло его мысли в определенную сторону, но и вызывало соответствующую реакцию. Последняя впрочем питалась и извне: Ф. Ф. Вигель свидетельствует, что в 20-ые годы, не только «молодежь, но и пожилые люди, не понимая Спинозы, ни Ламетри, ни Вольтера, щеголяли вольнодумством. Не только в столице, но даже в провинции, в Пензе или Курске раздавались *хулы на бога, эпиграммы на богородицу*»³⁾. В таком настроении могла восприниматься, соответственно деформируясь, и народная богородичная легенда.

Все перечисленные соображения заставляют нас вопрос об источниках сюжета «Гавриилиады» оставить открытым. Возводить его непосредственно к апокрифическим евангелиям нет решительно никаких оснований. За неимением положительных данных, мы можем с одинаковым правом в числе источников сюжета поэмы считать и благовещенскую церковную службу и старую славянскую литературу и народную легенду.

М. Алексеев.

¹⁾ Русск. Стар. 1887, т. 53, стр. 285—286. Книги Инзова впоследствии поступили в Одесскую публичную библиотеку («Русс. Библиография», изд. Э. Гартъс, 1880, № 6, стр. 288).

²⁾ Инзов был, между прочим, вице-президентом «Бессарабск. Отдел. Русск. Библейск. Общества», организовавшегося в 1817 г. по инициативе мятр. Гавриила. Главными деятелями общества были будущие кишиневские знакомцы Пушкина: К. А. Катакази, Ф. И. Недоба, М. С. Крупенский, Прункул, И. Варфоломей и ряд духовных лиц, среди которых особенно нужно отметить известного арх. Ириней (директор с 1817 г., в 1820—секретарь). (См. Дело Канц. Новоросс. и Бесс. Ген.-губ. 1817 № 12, л. л. 84, 110). О столкновении последнего с Пушкиным рассказал Л. Мацеевич со слов П. В. Дыдицкой. (*В. Яковлев, Отзывы о Пушкине, Од. 1887, стр. 73—74*).

³⁾ Ср. *В. л. Тукалевский, К истории философских направл. в русск. обществе XVIII в. — Журн. Мин Нар Пров. 1911, № 5, стр. 8.*

Одна из воспетых Пушкиным.

Посвящается Е. Л.

В настоящей заметке собраны некоторые данные для биографии и характеристики графини Натальи Викторовны Кочубей, личность которой, осененная божественными лучами Пушкинского гения, до сего времени почти не привлекала внимания исследователей жизни и творчества Пушкина. Скудость материала определила многие пробелы и недочеты нижеследующего изложения; местами оно отягчено, однако, подробностями, на первый взгляд — излишними и даже докучными; при недостаточности и отрывочности наших сведений о графине Кочубей мы не считали себя в праве пренебрегать такими данными, надеясь, что при дальнейших изысканиях они могут оказаться далеко не бесполезными.

1.

Знакомство и встречи Натальи Кочубей с Пушкиным относятся к самым первым годам пребывания его в Лицее. Наталья Кочубей находилась в общении с лицеистами, проводя летние месяцы на даче в Царском Селе¹⁾; она была хорошо известна в их среде — как о том свидетельствует дошедший до нас перечень лиц, которых изображал («паясил») товарищ Пушкина по Лицею М. Л. Яковлев, хороший мимист²⁾. В набросанной Пушкиным в тридцатых годах программе автобиографических Записок сокращенная помета: «Гр. Коч.» занесена между 1812 и 13 годами³⁾; вероятно, она датирует первую встречу поэта с Натальей Кочубей⁴⁾. Лицейское предание считает ее героиней стихотворения «Измены»⁵⁾, гадательно относимого к 1815 г.⁶⁾, а барон М. А. Корф высказывает предположение, что «едва ли не она (а не Бакунина) была *первым* предметом любви Пушкина»⁷⁾. Подтверждение словам Корфа находим в «Дон-Жуацком списке», открывающемся именем «Наталья»⁸⁾. «Первая любовь» отмечена в цитированной программе Записок Пушкина под 1814 годом⁹⁾.

Встречаясь впоследствии с Натальей Викторовной в обществе, Пушкин—по его собственному признанию П. А. Плетневу—запечатлел ее облик (уже замужней дамы) в VIII главе «Евгения Онегина» (писанной в 1829—30 гг.), в строфах, изображающих Татьяну-княгиню на балу¹⁰). Воспроизведем эти онегинские строфы — в дополнение приводимых ниже отзывов о ней современников:

XIV.

Но вот толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный Генерал.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих малевьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... *** [Шишков], прости:
Не знаю, как перевести.

XV.

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале: и всех выше
И нос и плеча подымал
Вошедший с нею Генерал.
Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком Лондонском кругу
Зовется vulgar.
.

XVI.

.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Нивой Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красною
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была¹¹).

Рассказы княгини В. Ф. Вяземской о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым, сохранили мимолетное, но вместе

с тем очень интересное, упоминание об одной встрече в свете Пушкина с Натальей Викторовной (тогда — женою графа А. Г. Строгонова) — на вечере у князей Вяземских накануне нового 1837 года. На этом вечере присутствовал также Дантес — в роли жениха Е. Н. Гончаровой. «Пушкин с женою был тут же» — повествует Бартенев: «и Француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строгонова говорила княгине Вяземской, что у него такой страшный вид, что будь она его женою, она не решилась бы вернуться с ним домой»¹²)...

Образ Натальи Викторовны нашел себе отражение не только в «Евгении Онегине»: он владел мыслью поэта и при работе (в 1834—35 гг.) над романом «Русский Пелаг», от которого сохранилось несколько черновых программ. Ненаписанный роман этот должен был дать широкую картину жизни русского общества двадцатых годов XIX столетия. Обозначая в программах действующих лиц именами своих реальных современников — друзей и знакомых, поэт ввел в число героев романа Наталью Кочубей и ее отца. «Если бы план романа осуществился, вероятно, это был бы один из симпатичнейших женских образов нашей литературы» — пишет о Наталье Кочубей «Пелага» комментатор неосуществленного замысла Пушкина: «Очевидно, этот женский характер произвел сильное впечатление на Пушкина. В «Русском Пелаге» Нат. Кочубей, по видимому, должна быть окружена особенно привлекательною поэзией: она, среди всего светского круга, одна понимает юного Пельимова, одна, в самую тяжелую минуту, пренебрегая обычаями света, протягивает ему руку помощи — посылает дружеское письмо. С предостережением, или для нравственной поддержки, предлагает дружбу всеми отверженному человеку. Интересно, что при характеристике их отношений Пушкин не употребляет слова «любовь», — по крайней мере так, чтоб его решительно можно было бы отнести к этим лицам. Пытаясь воссоздать по немногим чертам, указанным поэтом, этот образ, невольно вспоминаем позднейшие женские типы в нашей литературе. Во всяком случае эти немногие строки программ предполагают черты далеко необычного характера»¹³). Настаивая на необходимости биографического изучения лиц, которых Пушкин хотел обрисовать, тот же комментатор подчеркивает, что в набросках «Русского Пелага» «можно видеть намеки на еще невыясненные отношения [Пушкина] к некоторым лицам — напр., к Нат. Кочубей»¹⁴).

В последнее время П. К. Губер попытался разъяснить эти отношения¹⁵). Письмо Н. Н. Раевского (младшего) к Пушкину от 10-го мая 1825 г., из Белой Церкви, в котором он, между прочим, извещает поэта: «Le Père et la mère de votre Comtesse Natalie de Cagoul sont ici depuis une semaine»¹⁶),

—обратило на себя внимание П. К. Губера; путем цитаты письма того же Раевского от 1-го мая 1825 г. (из Тульчина) к брату Александру с сообщением о представлении его (Н. Н. Раевского) графу и графине Кочубей¹⁷)—П. К. Губер установил, что «графиня Наталья Кагульская» — «ни кто иная, как Наталья Викторовна Кочубей, дочь графа Виктора Павловича, [бывшего] министра внутренних дел, путешествовавшего, как известно, в 1825 г. по югу России»¹⁸). Этот интересный факт тождества П. К. Губер сближает с двумя набросками лирических пьес Пушкина, содержащих обращение к Кагульскому «мрамору» и «чугуну» — «Воспоминаньем упоенный» и «Чугун Кагульский, ты священ»¹⁹). Не вызывающий сомнений элегический характер отрывков дает возможность, на наш взгляд, с уверенностью говорить о том, что Пушкин вспоминает в них (возможно, под впечатлением каких-то неизвестных нам обстоятельств) о своей первой любви — о графине Наталье Кочубей. П. К. Губер не удовлетворяется таким выводом; в результате длинной и подробной аргументации, построенной, большей частью, на чрезвычайно шатких основаниях, он выдвигает гипотезу, что Наталья Викторовна — объект «утаенной любви» поэта... «Комбинируя предположения о заведомо неизвестном с фактами неусвоенными и непонятыми» — говорит о построениях П. К. Губера один исследователь: «толкуя вкривь и вкось литературные произведения, выуживая в них отсутствующие на деле биографические намеки, мы можем наворотить целую кучу подобных открытий»²⁰)...

2.

Графиня Наталья Викторовна Кочубей родилась 10-го (22-го) октября 1800 г. в Дрездене²¹), где в это время проживали ее родители, скрываясь от немилости имп. Павла. Ее отец граф Виктор Павлович (род. 11-го ноября 1768 г., ум. в Москве, в ночь на 3-е июня 1834 г.) принадлежит к числу видных государственных деятелей царствования имп. Александра и Николая. Правнук казенного Мазепой В. Л. Кочубея, он счастливо начал свою карьеру еще при Екатерине II; при ее приемнике он достиг высоких ступеней бюрократической лестницы, но довольно скоро подвергся опале и вышел в отставку. 13-го октября 1799 г. он вступил в брак с Марией Васильевной Васильчиковой (род. 10-го сентября 1779 г., ум. в Париже 12-го января 1844 г.) и поселился в Дрездене, где семья Кочубеев оставалась до вступления на престол Александра I²²).

О раннем периоде жизни Натальи Викторовны не сохранилось никаких сведений²³) — за исключением мелочных данных, использованных выше. Еще до окончания Пушкиным

Лицея Кочубеи уехали за-границу (27-го июля 1816 г.)²⁴). «Слабое здоровье жены моей» — писал граф Кочубей перед отъездом своему родственнику Г. П. Милорадовичу: «несчастия, одно за другим нас угнетавшие, робость на счет сохранения оставшихся детей наших, решили меня переменить климат»²⁵). Пробыв до осени 1817 г. в Италии, они в ноябре переселились в Париж²⁶). Встречавшийся здесь с ними современник пишет о Наталье Викторовне: «Elle est assez jolie, remplie de talents et élevée à merveille»²⁷). В средних числах июля 1818 г. — после двух-годичного отсутствия — Кочубеи вернулись в Петербург²⁸); Наталья Викторовна стала выезжать, была представлена ко двору²⁹) и пожалована в фрейлины («шифр был вручен ей самим императором на утреннем его визите у графини Марии Васильевны Кочубей»³⁰). Изящная и умная княжна В. И. Туркестанова, имевшая возможность наблюдать Наталью Викторовну на придворном празднике в Царском Селе (14-го августа 1818 г.), в одном из своих подробных писем к Фердинанду Кристину посвятила ей несколько строк; граф Кочубей, по словам княжны Туркестановой (отчасти связавшей характеристику отца и дочери) «s'est déridé, il est redevenu parlant et aimable comme par le passé; je lui trouve l'air bien grand seigneur, et je crois que dans son jeune âge cela devait faire un des plus jolis hommes de son temps;... Mad-lle Kotchoubey ressemble à son père sans être pourtant une beauté; elle a une taille élégante, elle danse à merveille, enfin elle est tout juste comme il faut pour charmer. On dit qu'elle a beaucoup d'esprit, et je le crois volontiers, car sa physionomie a beaucoup d'expression et de jeu. Je ne suis pas en peine pour l'établissement de celle-ci, il est à parier qu'elle n'épousera personne qui s'appelle Poltoratsky»³¹). Несколько позже М. М. Сперанский в ответ на письмо своей дочери с впечатлениями от посещения Кочубеев замечает: «Молодая графиня, я думаю, просто боязлива и застенчива; сие нередко встречается в самых обширных обществах»³²).

Матримониальные планы, которые, кажется, имеет в виду последняя фраза княжны Туркестановой, возникали у родителей Натальи Викторовны еще во время пребывания их за пределами России; так, в начале 1818 г. говорили о выходе ее за-муж за графа М. С. Воронцова, столь хорошо известного пушкинистам³³). Проекты эти долго не могли быть осуществлены³⁴): «Быв уже на 19-м году» — сокрушенно пишет граф Кочубей о дочери Сперанскому 22-го апреля 1819 г.: «время помышлять о замужестве, но беда, что и женихов не так то легко отыскать можно»³⁵). Почти через год, однако, подходящий жених был найден в лице барона Александра Григорьевича Строгонова (род. 31-го декабря 1795 г.). Сын прославленного Байроном победителя женских сердец, знаменитого дипломата барона Григория Алексан-

дровича Строгонова (1770—1857), он в эту эпоху—поручик лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант начальника главного штаба князя П. М. Волконского³⁶). Служи о «свадьбе дочери Кочубея с бароном Строгоновым» разнеслись весной 1820 г.³⁷), но самая свадьба состоялась лишь раннею осенью того же года—в сентябре³⁸).

Семейная жизнь молодых супругов поначалу сложилась несчастливо и дала повод к сплетням и пересудам. «Il court de très-mauvais bruits par la ville»—сообщает из Петербурга 27-го октября 1820 г. в Англию графу С. Р. Воронцову его постоянный корреспондент Николай Мих. Лонгинов: «que le jeune baron S[trogonow] marié avec la comtesse K[otchoubey], fait si mauvais ménage avec sa femme qu'ils en étaient déjà venus aux voyes de fait. En vérité, je ne puis point garantir ces bruits, n'étant pas en relation avec eux, mais je suis fâché d'être dans le cas d'y ajouter foi, puisqu'on le dit généralement. On débite différentes causes: tantôt c'est la maladie négligée du mari, tantôt un attachement de coulisses qui l'attire, et tantôt les prétentions respectives des deux familles. Il paraît au reste que de la part du jeune homme l'avantage de cette liaison l'a guidé dans cette occasion, et qu'il n'y avait de l'amour que de la jeune femme. J'ai connu ce jeune homme pour excellent, ayant de l'esprit et tout plein de bonnes qualités pour la société; mais il en faut bien d'autres pour faire un bon mari»³⁹).

Трудно сказать, был ли это со стороны Строгонова действительно «брак по расчету»; необходимо отметить все же, что его последующие служебные успехи некоторые современники склонны были рассматривать, повидимому, как результат родства с Кочубеями—вероятно, в связи с тем, что не умный и не талантливый Строгонов вряд ли мог бы без поддержки своего тестя проделать ту блестящую карьеру, какая выпала на его долю⁴⁰).

От брака А. Г. и Н. В. Строгоновых, так несчастливо начавшегося, родилось шесть человек детей—две дочери и четыре сына: Мариамна 4-го мая 1822 г. (ум. в Москве «после 4-х дневной болезни» 24-го февраля 1839 г.)⁴¹), Григорий 16-го июня 1824 г. (ум. 6-го февраля 1878 г.)⁴²), Наталья в 1828 (?) г. (ум. 11-го апреля 1853 г.)⁴³), Виктор 29-го января 1831 г. (ум. «уже в зрелых летах»)⁴⁴), Сергей 4-го ноября 1834 г. (ум. в Веймаре 3-го сентября 1842 г., подавившись «куриною костью, которую дала ему сама мать»)⁴⁵) и Павел 20-го августа 1847 г. (ум. 12-го декабря того же года)⁴⁶).

Рождение первенца очень неблагоприятно отразилось на здоровье Натальи Викторовны⁴⁷), вообще болезненной. В целях восстановления ее сил, в апреле 1823 г. была принята поездка на воды в Карлсбад⁴⁸), не принеся, впрочем, ей особого облегчения. «На поверку вышло, что она

у вод была почти без пользы» — читаем в письме Сперанского к дочери от 21-го сентября (1823 г.): «Также худа и бледна и на дороге уже чувствовала припадки»⁴⁹). «Она очень мила и добрее еще прежнего» — пишет он через несколько дней (25-го сентября): «Каждый почти вечер вижу ее у Натальи Кирилловны [Загряжской]»⁵⁰).

С момента выхода за-муж Наталья Викторовна всецело становится в зависимость от судьбы своего мужа. За отсутствием материала мы лишены возможности полностью восстановить хотя бы внешнюю историю ее жизненного пути за эти — позднейшие — годы; мы вынуждены ограничиться, поэтому, сводкой тех случайных и незначительных данных, какие дошли до нас.

Раннею осенью 1824 г. Наталья Викторовна на короткое время приезжала в знаменитую Диканьку — имение Кочубеев: 15-го сентября здесь состоялась свадьба ее двоюродного брата А. В. Кочубея, на которой присутствовал и «граф Александр Григорьевич Строгонов с женой Натальей Викторовной»⁵¹). В июне 1826 г. она совершила другую поездку — в Митаву, к своему больному отцу, лежавшему там «в подагре и хирагре»⁵²); в начале 1829 г. она была, кажется, в Вене⁵³), но летом мы ее уже видим в Петербурге⁵⁴). В 1831—34 гг., в связи с назначением А. Г. Строгонова во временное правление Царства Польского, Наталья Викторовна жила в Варшаве, «первенствуя», по свидетельству современника (графа М. Д. Бутурлина), «в Варшавском дамском кружке Русского высшего общества»⁵⁵). Впрочем, летом 1832 г. она ездила в Мариенбад (где с нею встретился Сперанский) и в Теплиц⁵⁶). Кажется, только в 1834 г. Наталья Викторовна из Варшавы переселилась в Петербург⁵⁷); в июне этого года умер ее отец в Москве, куда она по этому случаю ездила⁵⁸).

В январские дни 1837 г. Строгоновы находились в Петербурге⁵⁹). После дуэли Пушкина А. Г. Строгонову приходилось бывать в доме раненого поэта, а потом — ездить к Бенкендорфу с поручениями отца — по делам, связанным с погребением⁶⁰). Много лет спустя, доживая свой долгий век на покое в Одессе, он рассказывал П. И. Бартеневу, что в доме Пушкина «увидал такие разбойнические лица и такую сволочь, что предупреждал отца своего не ехать туда»⁶¹). Злобное недоброжелательство к памяти Пушкина, которого он называл «un mauvais drôle», Строгонов сохранил на всю жизнь⁶²)...

Мы не будем теперь в подробностях следить за дальнейшими годами жизни Натальи Викторовны⁶³). В 1842 г., после вынужденного выхода в отставку, А. Г. Строгонов с семьей уехал за-границу; в качестве учителя одного из сыновей (Виктора) к ним в это время поступил С. М. Соловьев⁶⁴),

пробывший с ними за-границей два года (1842—1844) и в своих Записках резкими штрихами обрисовавший эту семью⁶⁵). Желчный и пристрастный в оценках и приговорах, он не пожалел при этом темных красок. Но если его отзыв о Строгонове может быть оправдан другими материалами, то портрет Натальи Викторовны, набросанный им, является совершенно неожиданным в сравнении с тем представлением о ней, какое получается при ознакомлении с предшествующими страницами.

«Александр Григорьевич Строгонов — пишет Соловьев: «бывший министр внутренних дел, принужденный оставить должность по неудовольствию с императором, служил страшным примером, какие люди в России в царствование Николая I-го могли достигать высших ступеней служебной лестницы. ...Имея ум чрезвычайно поверхностный, Александр [Строгонов] мечтал, что обладает способностями государственного человека, и не знал границ своей умственной дерзости; с важностью выкладывал какую-нибудь нелепую мысль и старался ею озадачить, упорно поддерживая и обстраивая другими подобными же нелепостями. При этом — ни малейшего благородства, деликатности. Жена была еще хуже мужа: с умом и образованием также поверхностным, огромными претензиями на то и другое, с полным отсутствием сердца, эгоизм воплощенный, неразборчивость средств, способность унижаться до самых неприличных искательств, когда считалось нужным, и в то же время гордость, властолюбие непомерное — вот графиня Наталья Викторовна Строгонова, урожденная княжна [sic] Кочубей. Эта чета была испорчена губернаторством; прежде занятия министерского места, Ал. Строгонов был генерал-губернатором черниговским, харьковским и полтавским. Понятно, какое страшное искушение представляет и для порядочных лиц первенствующее положение; это раболепство русского губернского чиновничества, дворянства и купечества пред генерал-губернатором легко развратили Строгоновых. В Петербурге также — блистательное положение: графиня, умевшая владеть разговором, очень недурная собою, особенно вечером, с огромными связями, как дочь Кочубея, держала блистательную министерскую гостиную. И вдруг — опала! Император Николай понял наконец, что избранный им министр внутренних дел не годится даже в ротные командиры, и отставил его. По обыкновению опальных властей, Строгоновы отправились за-границу, прямо в Париж. Экс-министр начал фланировать, схватывать резкие черты нравов и рассказывать их за обедом жене, вечером — приезжим русским⁶⁶); познакомился с Тьером, также экс-министром, — но этим сходство между ними и ограничивалось, наконец, стал посещать лекции анатомии. Экс-министерша сначала очень скучала; пользоваться удовольствиями,

за которыми приезжали в Париж другие русские, посещать театры и прочее она не хотела: эти удовольствия были ниже ее; она привыкла к более серьезным занятиям, к министерским разговорам; притом, парижские удовольствия требовали много денег от дамы, а она была относительно небогата [sic!], прожить много не могла. Она сблизилась с одною русскою дамою, поселившеюся давно уже в Париже, Свечиною. Свечина эта приняла католицизм и под руководством разных аббатов в сутанах и во фраках занялась делами милосердия⁶⁷). Эти аббаты и аббатиса Свечина поймали нашу Строгонову, что было им нетрудно: досада на все русское, преимущественно на императора, не могла возбудить в ней горячего усердия к русской церкви, которая, по утверждению не совсем несправедливых католиков, имеет папу в императоре; поверхностное воспитание, холодность нашего духовенства, отсутствие интереса к религиозным вопросам в Петербурге, в сановническом кругу, не дают нашим барам, и особенно барыням, никаких средств узнать правду нашей церкви относительно католицизма; поэтому всякому аббату, иезуиту, легко уверить их, что вне католицизма нет спасения. Строгонову, женщину без убеждений, без сердца, прельстила эта внешняя, чувственная, театральная набожность католическая; прельстила ее эта новая открывшаяся ей деятельность, это католическое милосердие, так тесно переплетенное с интригою, с составлением обществ, лотереями, со всеми этими мирскими забавами, подкрашенными христианством, но не имеющими в себе ничего христианского. Как только я свиделся со Строгоновыми в Теплице, так тотчас заметил, что графиня окунулась и с головою в католицизм; она не скрывала своих мнений (сказать: *убеждений* было бы много) не только при мне, домашнем человеке, но и при всех других русских, вследствие чего сейчас же распространился слух, что она приняла католицизм⁶⁸). От графа в два года я не слышал ни слова о вере; он аккуратно каждое воскресенье ездил к обедне в русскую церковь; но графиня первый год по воскресениям отправлялась в католическую, а по пятницам—в русскую, для избежания тесноты; но на другой год, когда об этом начали слишком громко говорить, начала и она ездить по воскресеньям в русскую церковь»...

Не будем оспаривать Соловьева, в отзывах которого о Строгоновых как будто слышится отзвук личного раздражения, не позабытой и не прощенной обиды⁶⁹). Быть может, он прав в своей резкой характеристике; быть может, в самом деле, женщина, которая могла вдохновить Пушкина на создание «одного из симпатичнейших женских образов нашей литературы» — быть может, она заслужила эти злобные строки историка, почему то не сохранившего спокойствия и объективности...

Наталья Викторовна умерла 24-го августа 1854 г.; она погребена на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры⁷⁰). А. Г. Строгонов надолго пережил жену; «первый вечный гражданин г. Одессы», удивлявший современников непримиримыми противоречиями своей натуры, он окончил свои дни в Одессе 2-го августа 1891 г., незадолго до смерти уничтожив свой большой и ценный архив⁷¹) и тем самым лишний раз подчеркнув свойственное ему презрение к людям.

Примечания.

1) Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, изд. 2-а, С.-Пб., 1899, стр. 9. Ср. Семейная хроника. Записки А. В. Кочубея, С.-Пб., 1890, стр. 202, прим.; В. к. Николай Михайлович. Императрица Елисавете Алексеевне, т. III, С.-Пб., 1909, стр. 144.

2) В числе 200 имен, составляющих перечень, под № 164 значится: «Наташа (Коч.)» (К. Я. Грот. Пушкинский Лицей, С.-Пб., 1911, стр. 81).

3) Сочинения Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, 1905, fac-simile при стр. 574.

4) Относящийся к 1813 г. портрет Н. В. Кочубей воспроизведен в книге П. К. Губера «Дон-Жуанский список Пушкина» (Пб., МСМХХIII, при стр. 272).

5) В. Гаевский. Пушкин в Лицее и Лицейские его стихотворения — «Современник» 1863, т. ХСVII, № 7, отд. I, стр. 159.

6) Эта датировка, категорически принятая в издании соч. Пушкина С. А. Венгерова (т. I, стр. 292; ср. изд. П. А. Ефремова, т. VIII, 1905, стр. 5—6), в сущности, очень проблематична.

7) «Пушкин и его современники», вып. VIII, стр. 25. Ср. Я. Грот, о. с., стр. 9.

8) Ср. Н. Лернер. «Дон-Жуанский список» — Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 91 — 92.

9) С именем Натальи Кочубей связывается еще одна лицейская пьеса Пушкина — послание (1816 г.?) «К Наташе» (Вянет, вянет лето красно), обращенное, повидимому, к крепостной актрисе домашнего театра графа В. В. Толстого или к горничной фрейлины [Е. П.?] Валуевой (ср. ЖМНП. 1905, ч. ССCLXI, № 10, отд. 2, стр. 246; К. Я. Грот, о. с., стр. 354; сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 91). Той же «Наташе» (т. е., не Кочубей) посвящены стихи Н. А. Корсакова (К. Я. Грот, о. с., стр. 159. Ср. Н. А. Гастфрейд. Товарищи Пушкина..., т. I, С.-Пб., 1912, стр. 419 — 420). — Точно также ошибочно (с легкой руки П. В. Анненкова) считались относящимися к гр. Кочубей стихи при посылке оды «Вольность» (см. akad изд. соч. Пушкина, т. II, прим., стр. 113—115).

10) В. Гаевский, о. с. Ср. Рассказы о Пушкине, записанные... П. И. Баргеновым, (Лгр.), 1925, стр. 32. VIII глава напечатана в 1832 г. — Конечно, на основании этого сообщения В. П. Гаевского, Ал. И. Маркевич готов был искать «первообраз Татьяны» в семье Кочубеев (Пушкин и Новороссийский край, Одесса, 1900, стр. 20). Кстати, в черновиках «Евгения Онегина» Татьяна первоначально называлась «Наташей» («Пушкин и его совр.», вып. XXXIII — XXXIV, стр. 22) — как и Мария «Полтавы» («Русск. Стар.» 1884, т. XLIII, № 7, стр. 42); ср. наблюдения В. Ф. Ходасевича об имени Наталья у Пушкина. (Поэтическое хозяйство Пушкина, кн. I, Лгр., 1924, стр. 75 — 76).

11) Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина, изд. 3-ие, СПб., 1837, стр. 250 — 252. — После одного бала во дворце М. М. Сперанский писал своей дочери: «Я видел тут в первый раз Наташу [т. е. Наталью Викторовну] во французском кадриле. *Beaucoup de grâce*» (письмо от 14-го ноября 1822 г. — В память гр. М. М. Сперанского, С.-Пб., 1872, стр. 568).

12) «Русск. Арх.» 1888, кн. II, № 7, стр. 310. По указанию Бартенева в другом месте («Русск. Арх.» 1908, кн. II, № 7, стр. 427) эта встреча произошла на балу у графа С. С. Уварова — около того же, приблизительно, времени. «Покойная графиня Н. В. Строгонова говорила впоследствии, что не может забыть зверского выражения в лице его и что на месте его жены ни за что на свете не решилась бы возвращаться домой в одной с ним карете».

13) С. Повария. «Русский Пелам» А. С. Пушкина — Памяти А. С. Пушкина. Сборник... Имп. С.-Пб. университетга, С.-Пб., 1900, стр. 345 — 346.

14) Ibid., стр. 347. Ср. «Библиографическ. Записки» 1859, т. II, № 5, ст. 145 (статья [Е. И. Якушкина]: «Проза А. С. Пушкина»).

15) См. статью П. К. Губера «Пушкин и графиня Н. В. Кочубей» в сб. «Русск. Прошлое» (кн. 2, 1923, стр. 104 — 126), вошедшую в его книгу «Дон-Жуанский список Пушкина» (ПБ., МСМХХIII). П. К. Губеру, кстати сказать, остался неизвестен «Русский Пелам»...

16) «Je leur ai lu en séance public votre Онегин» — прибавляет Раевский: «ils en sont enchantés» — Переписка Пушкина, акад. изд., т. I, стр. 212; ср. Л. Майков. Пушкин, С.-Пб., 1899, стр. 143.

17) Архив Раевских, т. I, С.-Пб., 1908, стр. 253.

18) П. К. Губер, о. с., стр. 260. Наталья Викторовна в этой поездке не принимала участия.—10 го мая 1825 г. В. П. Кочубей находился в Белой Церкви (его письмо к А. А. Аракчееву от этого числа — Н. Ф. Дубровин. Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I, Спб., 1883, стр. 426 — 427).

19) См. акад. изд. сочинений Пушкина, т. II, прим., стр. 80 — 83 и т. III, прим., стр. 229. В черновом автографе первый из этих набросков озаглавлен «К Кагульскому памятнику. 1819. 30 mars»; второй отрывок издание С. А. Венгерова относит к 1821 г. (т. II, стр. 88, 589), а академическое — к 1822 г.

20) Б. Томашевский — «Русск. Современник» 1924, кн. I, стр. 323. Ср. рецензию В. Я. Брюсова — «Печать и Революция» 1924, кн. I, стр. 260.

21) Архив кн. Воронцова, кн. XIV, М., 1879, стр. 139; ср. *ibid.*, кн. XVIII, М., 1880, стр. 228.

22) А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. V, С.-Пб., 1894, стр. 13—15. — О Кочубее см «Русск. Биографический Словарь» (Кнаппе-Кюхельбекер, С.-Пб., 1903, стр. 366—382, ст. Н. Д. Чечулина), «Малороссийский Родословник» В. Л. Модзалевского (т. II, Киев, 1910, стр. 536—538), Дневник Пушкина в Петроградском и Московском изданиях 1923 г. и статьи Т. А. Богданович в сб. «Русское Прошлое» (кн. 5, 1923, стр. 101—111) и в «Анналах» (№ 4, 1924, стр. 117—138). — «Ничтожный человек», по определению Пушкина (знавшего лично Кочубея и часто видевшегося с ним у жившей с Кочубеями тетки его жены Н. К. Загряжской), он вполне заслужил резкую характеристику, записанную в дневнике Пушкина при известии о его смерти и совпадающую с мнением о нем большинства современников (Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.), (М.), 1923, стр. 60; ср. стр. 39—40 и анекдот в «Table Talk» - Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 399. Ср. отзыв Сперанского (1810 г.): «C'est un homme qui jamais n'a une idée» — «Русск. Стар.» 1904, т. СХХ, № 11, стр. 420).

23) Ср. Арх. кн. Воронцова, кн. XVIII, стр. 287, 294; кн. XV, М. 1880, стр. 452; кн. XXX, М., 1884, стр. 248.

24) «Русск. Стар.» 1902, т. XC, № 6, стр. 469.

25) О роде дворян и графа Милорадович, Киев, 1871, стр. 125 Несчастия, угнетавшие Кочубеев, — смерть детей; незадолго перед тем — 20-го мая (1816 г.) — умер девяти-летний сын их Андрей (В. Л. Модзалевский Малоросс. Родословник, т. II, стр. 544. Ср. В. К. Николай Михайлович. Императрица Елисавета Алексеевна, т. II, С.-Пб., 1909, стр. 417).

26) Н. Ф. Дубровин. Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I, стр. 195; Сборник Имп. Русск Историческ. о-ва т. СХIХ, С.-Пб., 1904, стр. 469, 514. Ср. «Русск. Стар.» 1872, т. V, № 4, стр. 542; «Русск. Арх.» 1872, № 11, стр. 2206; *ibid.* 1897, кн. I, № 4, стр. 590; Н. Ф. Дубровин, о. с., стр. 176; Арх. кн. Воронцова, кн. XIX, М., 1881, стр. 227, 229; Записки А. В. Кочубея, стр. 171—172.

- 27) Сборник Имп. Русск. Историческ. о-ва, т. СХІХ, стр. 710 (письмо гр. К. О. Поццо-ди-Борго гр. К. В. Нессельроде от 27-го апреля 1818 г.).
- 28) «Русск. Арх.» 1871, ст. 442; *ibid.* 1883, кн. III, № 5, прилож., стр. 699; В память графа М. М. Сперанского, стр. 492; Арх. кн. Воронцова, кн. VIII, М., 1876, стр. 337; Сборник Имп. Русск. Историческ. о-ва, т. СХІХ, стр. 710, 712, 735.
- 29) «Русск. Стар.» 1896, т. LXXXIII, № 10, стр. 47 (Воспоминания императрицы [тогда — вел. княгини] Александры Федоровны).
- 30) «Русск. Арх.» 1897, кн. I, № 3, стр. 439 (Воспоминания гр. М. Д. Бутурлина). Ср. Н. И. Греч. Записки о моей жизни, С.-Пб., 1886, стр. 245.
- 31) «Русск. Арх.» 1883, кн. III, № 5, прилож., стр. 709 (письмо от 19-го августа 1818 г.).
- 32) «Русск. Арх.» 1868, № 11, ст. 1165. В том же письме (из Пензы от 5-го ноября 1818 г.) Сперанский так отзывается о матери Натальи Викторовны: «Графиня есть прекраснейшее моральное женское существо, какое только удавалось мне знать» (*ibid.*, ст. 1164). — Впоследствии Наталья Викторовна и дочь Сперанского очень сблизились.
- 33) Арх. кн. Воронцова, кн. XXXV, М., 1889, стр. 23; Сборник Имп. Русск. Историческ. о-ва, т. СХІХ, стр. 710.
- 34) Ср. «Русск. Арх.» 1883, кн. III, № 6, прилож., стр. 767.
- 35) В память гр. М. М. Сперанского, стр. 162.
- 36) Получив образование в институте корпуса инженеров путей сообщения (1810—1813), А. Г. Строгонов был произведен в 1812 г. «за успехи в науках» в прапорщики и в составе I артиллерийской бригады принял участие в войне с французами (в 1813 и 15 г.г.). 12-го января 1814 г. «за отличие по службе» был переведен в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду, а в следующем году назначен адъютантом к инспектору всей артиллерии; 24-го декабря того же (1815) года получил чин подпоручика. Адъютантом к начальнику главного штаба назначен 1-го января 1818 г.; тогда же переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, а 26-го июля произведен в поручики (Отчет по Государственному Совету за 1891 год, Спб., 1892, прилож., стр. 25—26; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е Мая 1890 года. С.-Пб., 1890, стр. 3; А. Чичерин. История лейб-гвардии Преображенского полка, т. IV, Спб., 1883; Список г.г. генералов, штаб и обер-офицеров ... стр. 203. Графский титул А. Г. Строгонов получил в 1826 г., в день коронации Николая I.
- 37) «Русск. Арх.» 1902, кн. II, стр. 360 (письмо К. Я. Булгакова к брату Александру, из Петербурга, от 9-го апреля 1820 г.).
- 38) Об этой свадьбе писал А. И. Тургенев кн. П. А. Вяземскому 27-го августа 1820 г., что она «еще отложена на неделю, а может быть и более» (Остафьевск. Арх., II, стр. 55).
- 39) Арх. кн. Воронцова, кн. XXIII, М., 1882, стр. 425. Перевод — «Русск. Арх.» 1912, кн. II, № 7, стр. 369—370.
- 40) Вот некоторые сведения о прохождении службы А. Г. Строгоновым: 5-го июля 1820 г. А. Г. Строгонов — штабс-капитан; 17-го августа 1821 г. — флигель-адъютант; 13-го марта 1823 г. — капитан; 17-го марта 1825 г. — полковник; в декабре этого года находится в Таганроге и сопровождает тело имп. Александра в Петербург; в сентябре 1826 г. командирован в Пермскую губернию для расследования раскола; в 1828 г. находится в свите, сопровождающей имп. Николая в поездке в действующую армию; в октябре того же года послан «в Стутгарт и Ольденбург» с известием о смерти имп. Марии Феодоровны; 23-го февраля 1831 г. назначается членом временного правления Царства Польского по управлению внутренними делами и полицией; 6-го октября — генерал-майор с назначением в свиту е. и. в.; 9-го января 1834 г. — товарищ министра внутренних дел; 6-го декабря — генерал-адъютант; 12-го декабря 1836 г. — и. о. Черниговского, Полтавского и Харьковского генерал-губернатора; 10-го марта 1839 г. — управляющий министерством внутренних дел; в июне и июле 1840 г. объезжает голодающие губернии; 6-го декабря 1840 г. — генерал-лейтенант; 22-го сентября 1841 г. уволен «согласно прошению»; 30-го июня 1844 г. назначен инспектором запасной артиллерии, получив одновременно бессрочный

отпуск; в 1848 г.—член «комитета 27-го февраля», учрежденного для рассмотрения действий цензуры; 24-го сентября 1849 г.—член военно-судной комиссии по делу петрашевцев; в 1854 г. военный губернатор Петербурга; 17-го апреля 1855 г.—Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор (до 29-го июня 1862 г.). (См.: Список генералов по старшинству Сост. по 1-е Мая 1890 г., стр. 3. Сборн. ист. материалов, извл. из архива соств. е. и. в. канцелярия, вып. VIII, стр. 26; вып. IX, стр. 6, 35—36; вып. XI, стр. 2, 17. Столетие военного министерства. История главн. квартиры. История государственной святи. Царствование имп. Александра I. Сост. В. В. Квадри, С.-Пб., 1904, стр. 133. Столетие... Царствование имп. Николая I. Сост. В. В. Квадри и В. К. Шенк. С.-Пб., 1908, стр. 254, 269, 359. Н. Варадинов. История м-ва внутр. дел, ч. III, кн. 2 я, С. П. Б., 1862, стр. 64. Проф. Д. Багалей и Д. П. Миллер. История г. Харькова за 250 лет его существования, т. II, Хрк., 1912, стр. 197. «Русск. Библиофил» 1913, № 1, портр. Строгонова при стр. 12. Министерство внутренних дел. Историческ. очерк, С.-Пб., 1901, стр. 54 (стр. 76—портрет Стр—ва). В. к. Николай Михайлович. Императрица Елисавета Алексеевна, т. III, С.-Пб., 1909, стр. 512. Отчет по Государственному Совету за 1891 г., прилож., стр. 25—28. Остафьевск. Архив, II, стр. 381. «Братское Слово» 1893, №№ 7—10. «Русск. Стар.» 1873, т. VIII, № 9, стр. 397. «Русск. Арх.» 1880, кн. III, № 2, стр. 286; 1901, кн. II, № 7, стр. 356, 361; 1903, кн. III, № 9, стр. 145; 1909, кн. III, № 11, стр. 206).

41) Кн. П. Долгоруков. Российск. родословн. книга, ч. II, Спб., 1855, стр. 212; Воспоминания гр. В. А. Соллогуба, С.-Пб., 1887, стр. 195; Н. Колмаков—«Ист. Вестн.» 1886, т. XXV, № 7, стр. 202; Арх. кн. Воронцова, кн. XXXVIII, М., 1892, стр. 376; Пермский край. Под ред. А. А. Дмитриева, т. III, Пермь, 1895, стр. 199; Московский Некрополь, т. III, С.-Пб., 1908, стр. 166.

42) Петербургский Некрополь, т. IV, С.-Пб., 1913, стр. 183. Восприемником его при крещении был имп. Александр (Столетие военного министерства 1802—1902. История главной квартиры. История государственной святи. Царствование имп. Александра I. Сост. В. В. Квадри, стр. 478).—«Очень похожий на мать», Г. А. Строгонов впоследствии «сделался знаменитым» благодаря своему морганатическому браку (в 1855 г.) с вел. княгиней Марией Николаевной (Гр. А. Бобринской. Дворянские роды..., ч. I, стр. 395; «Русск. Арх.» 1911, кн. II, № 7, стр. 344; кн. III, № 12, стр. 570—571; Записки С. М. Соловьева, [Пгр., 1915], стр. 81; «Русск. Стар.», 1916, т. CLXXII, № 9, стр. 416; «Голос Минувш.» 1922, № 1, стр. 66, 68; «Правдивый» 1862, № 1 (ср. Вл. Бурдев, За сто лет (1800—1896). Ч. II, London, 1897, стр. 56); «Старина и Новизна», кн. IX, С.-Пб., 1905, стр. 397; Русск. Биографический Словарь (Смеловский—Суворина), С.-Пб., 1909, стр. 474; «Голос Минувш.» 1913, № 3, стр. 167). От этого брака у него была дочь Елена (В. К. Николай Михайлович. Граф П. А. Строгонов, т. I, С.-Пб., 1903, табл. при стр. 224; Дневник А. С. Суворина, (Пгр.), 1923, стр. 27. Ср. «Русск. Арх.» 1911, кн. I, № 1, стр. 176 и 1912, кн. II, № 5, стр. 160).—О нем см. в книге Н. М. Затворниченко «Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно» («Столетие военного министерства 1802—1902». С.-Пб., 1909, стр. 543).

43) С 8-го января 1850 г. была за князем Павлом Васильевичем Голицыным (1822—1871) (Кн. П. Долгоруков, о. с., ч. I, Спб., 1855, стр. 387 и ч. II, стр. 212; Воспоминания гр. В. А. Соллогуба, стр. 195; Кн. Н. Н. Голицын. Род князей Голицыных, т. I, С.-Пб., 1892, стр. 211; Записки С. М. Соловьева, стр. 68; Петербургский Некрополь, т. I, С.-Пб., 1912, стр. 627).

44) По окончании Пажеского корпуса в 1850 г. он был вышущен прапорщиком в Гренадерский имп. австрийского полк; умер офицером лейб-гвардии Конного полка (Кн. П. Долгоруков, о. с., ч. II, стр. 212, № 42; Гр. Мялорадович. Материалы для истории Пажеского е. и. в. корпуса, Киев, 1876, стр. 202; Н. Колмаков—«Ист. Вестн.» 1886, т. XXV, № 7, стр. 202; Пермский край, т. III, стр. 199; О. фон Фрейман. Пажи за 185 лет, Фридрихсгамн, 1897, стр. 458; Записки С. М. Соловьева, стр. 68).

- 45) Кн. П. Долгоруков, о. с., ч. II, № 212, № 43; Н. Колмаков — «Ист. Вестн.» 1886, т. XXV, № 7, стр. 202; Записки С. М. Соловьёва, стр. 68; Петербургский Некрополь, т. IV, стр. 184.
- 46) Петербургский Некрополь, т. IV, стр. 184.
- 47) В память гр. М. М. Сперанского, стр. 558, 563, 565, 571, 589, 601, 618.
- 48) Ibid., стр. 637 (ср. стр. 569, 634, 636, 639, 646, 655) и Сборник Имп. Русск. ист. о-ва, т. LXXVII, С.-Пб., 1891, стр. 374.
- 49) В память гр. М. М. Сперанского, стр. 660 (ср. стр. 674, 675, 687). Ср. «Русск. Арх.» 1901, кн. I, № 4, стр. 583 и «Русск. Стар.» 1902, т. CXII, № 11, стр. 304.
- 50) В память гр. М. М. Сперанского, стр. 661.—27-го ноября Сперанский пишет (ibid., стр. 675): «Наташа хила по прежнему, а он [А. Г. Строгонов] собирается в Пермь. Она действительно жалка; но чему не научит нужда. Можно ли представить?—из всего этого обширного дома одно существо здоровое, веселое, смеющееся, довольное есть семидесятилетняя старуха [Н. К. Загряжская?]; все прочее страдает или к страданию близко. Разбирай после сего судьбы человеческие и угадай, где счастье. Оно хоронится, как золото о святках».
- 51) Записки А. В. Кочубея, стр. 199.
- 52) «Русск. Арх.» 1903, кн. II, № 7, стр. 436. Ср. ibid., кн. II, № 8, стр. 550.
- 53) «Русск. Арх.», 1903, кн. III, № 10, стр. 321.
- 54) «Русск. Арх.» 1901, кн. III, № 11, стр. 340. Ср. ibid., 1903, кн. II, № 8, стр. 550.
- 55) «Русск. Арх.» 1897, кн. II, № 7, стр. 376.
- 56) В память гр. М. М. Сперанского, стр. 704.
- 57) Ср. Архив братьев Тургеневых, вып. 6-й, Пгр., 1921, стр. 362.
- 58) «Русск. Арх.» 1904, кн. I, № 3, стр. 422.
- 59) См. выше.
- 60) «Старина и Новизна», кн. VI, С.-Пб., 1903, стр. 11—12.
- 61) «Русск. Арх.» 1911, кн. I, № 1, стр. 176 и 1912, кн. II, № 5, стр. 160.
- 62) К. Скальковский. Воспоминания молодости, С.-Пб., 1906, стр. 77. См. рассказ М. В. Шимаковского в сб. «Из прошлого Одессы» (Од., 1894, стр. 147—151). — Ал. И. Маркевич намекает на какие-то «личные счета» между Пушкиным и Строгоновым (А. И. Маркевич. Пушкин и Новороссийский край, стр. 25), но нам о них ничего неизвестно. Известно нам также, о каких Строгоновых идет речь в скандальном анекдоте, записанном в Пушкинских «TableTalk» под № XXXIV (Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 399; ср. наше сообщение в «Былом» 1924, № 27—28, стр. 11). Князь А. В. Трубецкой в своем известном рассказе об отношениях Пушкина и Дантесу говорит, что в числе «шалунов из молодежи», занимавшихся рассылкой анонимных писем «по мужьям-рогоносцам», был и «Строгонов, мой cousin» (П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 2-ое, Пгр., 1917, стр. 405). Этот Строгонов—один из сыновей графа Г. А. Строгонова, первую женою которого была княгиня Анна Сергеевна Трубецкая, тетка князя А. В. Трубецкого (Сказание о роде князей Трубецких, М., 1891, стр. 151, № 53; стр. 258, № 85). Кстати, Александр Строгонов по отцу приходился собственником Пушкину (правда, очень отдаленным): Г. А. Строгонов (отец) по матери своей был двоюродным братом тещи Пушкина Н. И. Гончаровой. — На злобное отношение А. Г. Строгонова к памяти Пушкина несомненно влияла также И. Г. Полетика (его сестра, в Одесский период его жизни очень ему близкая), ненавидевшая Пушкина и в предсмертной истории поэта сыгравшая некрасивую роль (о ней см. «Русск. Арх.» 1911, кн. I, № 1, стр. 175—176 и 1912, кн. II, № 5, стр. 159—160).
- 63) Отмечаем здесь все неиспользованные до сих пор упоминания о Наталье Викторовне: «Русск. Арх.» 1887, кн. III, № 6, стр. 212; 1888, кн. III, № 9, прилож., стр. 238; 1900, кн. I, № 3, стр. 394; 1903, кн. II, № 5, стр. 77; № 6, стр. 173; № 8, стр. 550. «Русск. Стар.» 1898, т. XC, стр. 6, стр. 514,

64) Ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, М., 1893, стр. 334.

65) Записки С. М. Соловьева, стр. 66—68.

66) Из числа этих приезжих можем указать на Н. И. Кокшарова, известного минералога («Русск. Стар.» 1890, т. LXVI № 5, стр. 265).

67) Софья Петровна Свечина (1782—1857) — лицо, очень памятное в летописях увлечения русской аристократии католичеством. Comte de Falloux в своей книге «Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres» (2-ème éd., t. I, Paris, 1860, p. 411—412) упоминает в числе посетителей знаменитого парижского салона Свечиной «le comte et la comtesse Strogonof, fils et belle-fille du baron Strogonof».

68) Ср. письмо А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому из Москвы, от 30-го марта 1843 г. (Ост. Арх., III, стр. 238; ср. стр. 84 Записок Соловьева).

69) Ср. Записки, стр. 84—85.

70) Петербургский Некрополь, т. IV, стр. 182 — «Узнали о скоропостижной смерти графини Натальи Строгоновой» — записал в своем дневнике под 4-м февраля князь П. А. Вяземский, живший тогда за-границей (в Веве); под 5-м февраля у него имеется краткая запись, дразнящееся наше любопытство своим содержанием: «Писаль [В. П.] Титову с маленькой характеристикой графини Строгоновой и нашего официального общества» (Полн. собрание соч. кн. П. А. Вяземского, т. X, С.-Пб., 1886, стр. 164). Это письмо в печати неизвестно.

71) А. Егоров (Конспаров). Страницы из прожитого, II, (Одесса), 1913, стр. 141, прим. (ср. «Историческ. Вестн.» 1912, т. CXXVII, № 2, стр. 499, прим.); Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович, (Лгр.), 1924, стр. 97—98. Ср. «Русск. Арх.» 1911, кн. I, № 5, стр. 105, прим. 2. — Личная библиотека Строгонова после его смерти передана наследниками в Новороссийский университет в Одессе; библиотеку же своего отца, являющуюся родовой библиотекой Строгоновых, он совместно с братом Сергеем Григорьевичем передал в 1880 г. для Томского университета (об этом пожертвовании, происшедшем чисто случайно, см. Заметки и воспоминания В. М. Флоринского — «Русск. Стар.» 1906, т. CXXV, № 3, стр. 583—585; т. CXXVI, № 5, стр. 285—286, 307—308; ср. У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. ч. II-я, Спб., 1912 г., стр. 50 и «Русск. Библиофил. 1914. № 2, стр. 5—24).

С. Шестериков.

II.

Неизвестные расписки Пушкина.

Среди фондов дел Архива Новороссийского и Бессарабского Генерал-Губернатора, ныне Исторического Архива, находится один (дела с 1823 г. по 1867 г.), который носит следующее название: «Книги и документы Новороссийских Губерний». Фонд этот составляют предписания о выдаче денег, знаков отличия и т. п. и книги казначейские, в которых главный казначей канцелярии ген.-губернатора, в их приходной части, расписывался в получении тех или иных сумм, орденов, а в соответствующей статье расхода регистрировал выдачу их за собственноручной подписью получателя.

В этом то фонде и были отысканы нами собственноручные расписки Пушкина; три из них представляют расписки в получении жалованья, одна — прогонных, выданных ему при известной командировке его в уезды: Херсонский, Елисаветградский и Александрийский для выяснения «где саранча наиболее возродилась и... с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства»¹⁾.

1.²⁾ Расписка Пушкина в получении жалованья за майскую треть 1823 г., присланного 6 декабря 1823 г. генер. Инзовым.

«13-го декабря. Оныя деньги двѣсти двадцать пять р у б л е й Ассигнаціями и шестьдесятъ копѣекъ серебромъ, по приказанію Правителя Канцеляріи Господина Новороссійскаго Генералъ-Губернатора и Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, выданы по принадлежности вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Александру Пушкину.

*Получилъ двѣсти дватцать
пять рублей 60 коп. сер. Алек-
сандръ Пушкинъ».*

¹⁾ Архив Нов. и Бесс. ген.-губ. Дела Канцелярии. 1824 г. № 76, л. 99; то же с незначительными неточностями орфографии в статье К. Зеленецкого — «Заметка о Пушкине» — Библ. Зап. 1858 г., кн. 1, стр. 38.

²⁾ 1823 г. кн. 2-ая л. 19. Текст как этой расписки, так и других, воспроизводится вполне согласно с подлинником; курсивом вabrаны строки, написанные самим поэтом.

II. ¹⁾ Расписка Пушкина в получении жалованья за сентябрьскую треть 1823 г., присланного графом Нессельроде 31-го января 1824 г.

«4-го февраля. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и вмѣсто трехъ рублей мѣдью, серебромъ одинъ рубль выданы по принадлежности находящемуся в Одессѣ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Александру Пушкину.

*Двѣсти дватцать пять
рублей ассигнаціями по-
лучилъ Александръ
Пушкинъ».*

III. ²⁾ Расписка Пушкина в получении жалованья за январьскую треть 1824 г., присланного граф. Нессельроде 12-го июня 1824 г.

«23-го июня. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и вмѣсто 3 руб. 72 коп. мѣдныхъ одинъ рубль серебромъ выданы по принадлежности состоящему въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Пушкину.

*Двѣсти дватцать пять рублей
асс. и одинъ рубль сер. полу-
чилъ Александръ Пушкинъ».*

IV. ³⁾ Расписка Пушкина в получении 400 руб. прогонныхъ денег.

«Одесса Маія 23 дня 1824 Года. По случаю отправления меня для собранія свѣденій о саранчѣ в Уѣздахъ: Херсонскомъ Александрійскомъ и Елисаветградскомъ, на уплату прогоновъ за двѣ почтовые лошади примѣрно четыресто рублей Ассигнаціями отъ Казначея Титулярнаго Совѣтника Архангельскаго

*Получилъ Коллежскій
Секретарь Александръ
Пушкинъ».*

Вопрос о служебныхъ денежныхъ полученияхъ Пушкина во время его первой ссылки специально не интересовал ни одного биографа поэта и в громадной Пушкиниане затраги-

¹⁾ «Книга 1-ая на записку сумм, поступивших с 1-го янв. по 1-го севт. 1824 г.» ч. 1-ая л. 16.

²⁾ Ibid. л. 50.

³⁾ «Дело № 7, по описи № 79. Расписки разныхъ чиновников... с 21-го сентября 1823 г. по 10-го августа 1826 г.» л. 194.

194.

Москва Мая 25 30 мая 1824 года. По сущ-
 сти отозвываясь на имя для издательства
 "Сын" о суждении от Урядова. Переводимых
 Александровских и Елизаветинских,
 купили провозить за полноту
 вь заказ прилагая заказ
рубли Александровских отъ Киселева
 Елизаветинских Сословных. Александровских
 или

Николай Александрович
 Сергеевич Пушкин
 Пушкин

~~Иван~~

Расписка Пушкина.

вался лишь случайно. Так, К. Зеленецкий, познакомившись с делом «О саранче» Архива Нов. и Бесс. ген.-губ., между прочим, сообщил о 400 р., выданных на прогоны Пушкину¹⁾. Дальнейшие опубликования связываются с изучением биографами поэта дел Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел; последние дали возможность Л. Поливанову напечатать ряд документов, благодаря которым стало известно о 1.000 рублях, выданных поэту в 1820 г. на проезд в Екатеринослав²⁾, о 389 р. 4 к., полученных Пушкиным на прогоны от Одессы до Михайловского³⁾, а также, что Инзову «было выслано до Пушкина жалованье за майскую треть 1820 г. и за январьскую треть 1821 г. по расчету из 700 руб. в год (отнош. гр. Нессельроде, от 10-го июня 1821 г., № 3, 768). Содержание это высылалось каждую треть, а именно: по январьскую треть 1823 г. включительно — Ив. Никитичу Инзову (отнош. г. Нессельроде от 11-го января 1824 г. № 193), при чем расписка датирована: «Одесса,—февраля 1824 года». Подписи Пушкина нет и сделана помета, что расписка находится у казначея канцелярии при книге. Где и когда получено жалованье за майскую треть 1823 г.—из дела не видно»⁴⁾. Вслед за Поливановым Пушкинские дела были просмотрены Н. А. Гастфрейндом, которым было сделано некоторое дополнение в интересующем нас вопросе; им были указаны дата и размер суммы, полученной поэтом при отъезде из Одессы в Псковскую губернию, в счет жалованья за последние 2 мес. и 7 дней его службы у гр. Воронцова⁵⁾. Эдиционные промахи Поливанова (недопустимая конспективность, отсутствие дат получения *самим Пушкиным* денег, которым только и принадлежит биографическое значение) были исправлены лишь Брюсовым⁶⁾. В результате стало известно время получения самим поэтом жалованья за майскую и сентябрьскую трети

1) Библ. Зап. 1858 г. т. I, стр. 139.

2) Русск. Стар. 1887 г., январь, стр. 240. Об этих прогонных деньгах, не называя суммы, писал еще Ф. Глинка в своих воспоминаниях о Пушкине—Русск. Арх. 1866 г., ст. 920.

3) Русск. Стар. 1887 г., янв., стр. 247.

4) Ibid. стр. 244. Впрочем, из дела, хранившегося в «Архиве для поселений южного края России» и поступившего в Пушкинскую комиссию одесск. литературно-артистич. общества (1823 № 12) видно, что из Петербурга в Кишинев и отсюда в Одессу было переслано Пушкину жалованье за майскую треть 1823 г. в размере 225 р. ассигнациями и 60 коп. серебром. См. «Дело о Пушкине» Одесса 1899, стр. 3. Более точные сведения этого дела, отосланного впоследствии в Петербург, в министерство земледелия, не опубликованы, а дата получения *этих денег* определяется публикуемой нами *первой* распиской Пушкина.

5) Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного Архивов Министерства Иностранных Дел. С. Пб. 1900 г. стр. 5—6.

6) Письма Пушкина и к Пушкину, изд. «Скорпион» 1903 г.

1820 г., за весь 1821 год и приблизительная дата — первые числа марта 1823 г. — за сентябрьскую треть 1822 г. ¹⁾).

Однако и эти материалы, как очевидно уже из всего изложенного выше, все еще не восстанавливают в целом картины служебных денежных получений Пушкина за все время его пребывания в первой ссылке. Все еще остаются невыясненными дни получения денег за январьскую и майскую трети 1822 г., за весь 1823 г. и январьскую треть 1824 г. Найденные нами расписки наполовину заполняют этот пробел в роковой странице биографии поэта — странице его денежных записей.

Кроме того, первые две из них имеют еще свое особое значение, ибо они, быть может, несколько точнее определяют дату следующего письма Пушкина, адресованного, вероятно, к Инзову: «Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам так давно был должен. Примите уверение в моей благодарности. У меня не хватает духа извиниться перед вами: мне очень совестно, что я не мог до сих пор уплатить вам этого долга. Но дело в том, что я находился в крайней нужде. Примите и пр.»... Это письмо впервые было напечатано Бартеневым, а затем, начиная с 1882 года, стало входить во все научные издания сочинений Пушкина и повсюду со стереотипной датой: «после 8 декабря» 1823 г., каковая была принята и Сайтовым, редактировавшим «Переписку» поэта, изданную Академией Наук.

Из каких же соображений установилась дата этого письма? Любопытны были бы объяснения Сайтова, но примечания к «Переписке» до сих пор еще не появились в печати, а издание под общей редакцией Венгерова, во многом следовавшее «превосходному академическому изданию», в своих примечаниях, совершенно умалчивает об этом, указывая только, что письмо это находится в «Рук. Рум. Муз. № 2369, л. 41» ²⁾, что, заметим тут же, противоречит авторитетному указанию Якушкина: у последнего — л. 43 ³⁾.

Не дают никаких объяснений и все другие издания писем Пушкина. За отсутствием их обратимся к рассмотрению положения этого письма в рукописи. Оказывается, что на оборотной стороне 41 л. тетради № 2369 после стихов из XXXIX и XL строф второй главы «Онегина» находится сбоку помета: «8 декабря 1823, nuit», после этого целый ряд строк заполняют конец этого листа и новую первую страницу л. 42. Среди них — черновые наброски из «Отрывка» (недвижный страж дремал) и несколько строк к двум последним строфам второй главы «Онегина». Затем обратная

¹⁾ Маркевич. Пушкинские заметки. «Пушкин и его совр.» вып. III, стр. 98, 102.

²⁾ Т. VI, стр. 533.

³⁾ Русск. Стар. 1884 г. июнь, стр. 568.

сторона занята только рисунками («женские головки, черти, раздувающие огонь, ведьма, скелет, лошадь, дерево»), и только после всего этого на л. 43, после XXV строфы второй главы «Онегина» находятся, как говорит Якушкин, «несколько французских строчек из письма к какому-то генералу», скажем мы — наше письмо к Инзову¹⁾.

Из всего этого видно, что датировка этого письма «после 8 декабря» очень приблизительна. Нельзя, конечно, дату л. 41 об. приурочивать к содержанию л. 43, не имея никаких данных для этого, и тем более, что после письма почти непосредственно выписаны стихи («Все кончено: меж нами связи нет») и другое письмо — к А. А. Бестужеву, которые, как известно, были написаны уже в феврале 1824 г.

Отмеченные нами факты денежных получений Пушкина 13 декабря и 4 февраля 1824 г., наталкивают на мысль об иной дате письма Пушкина к Инзову: «декабрь 1823 г. — январь 1824 г.» или, обращая внимание на факт получения жалованья 13 декабря, — вместо: «после 8 декабря», — «после 13 декабря».

На необходимость критического отношения к традиционной датировке наводит нас еще и следующее соображение. Судя по описанию автографов Пушкина, сделанному Бартевым²⁾, такая старая датировка приобретает характер гораздо большей точности, ибо у него ошибочно между датой в рукописи «8 декабря» и письмом к Инзову заключены только три маленьких стихотворных отрывка.

Не потому ли ошибка Морозова, редактировавшего письма поэта в VI т. соч. Пушкина, изд. Брокгауза (указание, что письмо находится на л. 41, а не на л. 43), совпадает с такой же ошибкой именно у Бартева?

Еще больший интерес представляет расписка поэта в получении им прогонных (23 мая 1824 г.). До сих пор, судя по врученному Пушкину 22 мая открытому листу, считали этот день днем отбытия Пушкина в командировку, тогда как из этой собственноручной расписки совершенно ясно, что еще 23-го он находился в Одессе. Эта же поправка на один день имеет большое значение в любопытной страничке биографии поэта — его злополучной командировке по делу о саранче.

Наконец, чрезвычайно любопытен и самый характер подписей Пушкина на этих расписках. «Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг», признаваясь, что «служба никогда не была моею целью: семь лет я ею не занимался,

¹⁾ В. Е. Якушкин. А. С. Пушкин. Его рукописи в Румянцевском Музее в Москве. — Русск. Стар. 1884 г., июнь, стр. 567—569.

²⁾ Бумаги Пушкина, вып. I, М. 1881 г., стр. 133—134.

не написал ни одной бумаги», он принимал «700 рублей не так, как жалованье чиновника Новороссийского военного губернатора, но как паек ссыльного невольника»¹⁾, как поэт «Александр Пушкин»; и лишь в злополучной командировке, с горечью почувствовав себя чиновником, он к обычной своей подписи добавил: «Коллежский Секретарь».

Г. Сербский.

Июль 1920 г.

¹⁾ Черновое письмо Пушкина к А. И. Казначееву [25 мая 1824 г. Одесса] «Переписка», т. I, стр. 110.

Автографы Пушкина в Одессе.

Одесса обладала некогда рядом автографов Пушкина: в настоящее время здесь не хранится ни одного, если не считать мелких подписей и расписок поэта. По отъезде Пушкина из Одессы не мало рукописей его осталось на руках у его друзей и почитателей. М. Н. Лонгинов свидетельствует, что интерес к ним был так велик, что даже деловые письма Пушкина в Одессу к Н. М. Лонгинову (1824) «одесские дамы тотчас выпросили у него и разделили между собою по клочкам; всякой хотелось иметь хоть строчку, написанную рукой поэта» («Библиографич. Зап.» 1859, II, 555). С разездом одесских знакомцев Пушкина из Одессы редел и запас рукописей его, здесь хранившихся; кое-что он вытребовал сам, как было, вероятно, с отрывком об Одессе из «Евг. Онегина», находившимся у Туманского (Переп. II, 6). Впоследствии, однако, с приездом в Одессу Л. С. Пушкина, брата поэта, число их снова заметно пополнилось. В 1850 г. Лев Сергеевич показывал некоторые рукописи приехавшему в Одессу Б. М. Маркевичу и Н. Ф. Щербине и среди них набросок стихотворения о дожде и догарессе («Русск. Вестн.» 1888, IX, 426—430). После смерти Л. С. (19 июля 1852) рукописи эти перешли к опекуну детей его С. А. Соболевскому; среди них были письма поэта, которые Соболевский вскоре после смерти Л. С. присылал из своего нижегородского имения П. И. Бартеневу, для снятия копий (РА 1866, 1194), и между прочим тот отрывок о дожде и догарессе, который Л. С. показывал Маркевичу и Щербине («Библи. Зап.» 1858, I, 2). От Соболевского рукописи перешли в Румянц. музей, но часть из них затерялась: так, рукопись указанного выше отрывка доныне неизвестна. В 80—90-х гг. ряд рукописей Пушкина сосредоточился в руках Ивана Ираклиевича Куриса (1840—1898), известного одесского коллекционера и собирателя (см. о нем заметку А. И. Маркевича — З. Од. Общ. Ист. и Др. т. XXII, 79—81): к нему, повидимому, перешел весь наличный запас рукописей Пушкина, имевшийся в Одессе, но Курис собирал их и в других местах; так, в 1884 г. на парижском аукционе

он приобрел рукопись русских народных песен, переведенных Пушкиным на франц. язык для Лоеве-Веймара (напеч. П. И. Бартеневым в РА 1885, I, 451—460). Вообще говоря, все наиболее ценное из Пушкинской коллекции Куриса было в свое время опубликовано П. И. Бартеневым или М. И. Семевским, с которыми он находился в непрерывных сношениях; что касается самых автографов Пушкина, с которых эти публикации делались, то судьба их не всегда ясна. Подготавливая пушкинскую выставку в Одессе в 1899 г. проф. А. И. Маркевич, по сообщению одесских газет, — «специально ездил в село Курисово-Покровское и отобрал из библиотеки г-жи Курис все, что имеет особый интерес для выставки. Кроме изданий, г. Маркевич нашел в названной библиотеке редкие портреты и автографы Пушкина. Один из автографов написан на французском языке и представляет собою письмо Пушкина к Вульф из Михайловского в Ригу от 21 июня 1825 г. Другой, кажется еще неизвестный, — записка Пушкина к В. И. Григоровичу, в которой он просит последнего разрешить ему осмотреть картину Бруни в Академии» («Одесск. Листок» 1899 № 127. Ср. «Одесск. Нов. 1899 № 4632»). Оба автографа действительно, были на выставке единственными подлинными рукописями поэта («Каталог Пушкинской выставки в Одессе», Од., 1899, стр. 16 № 204). Письмо к Вульф, повидимому, именно по хранившейся у Куриса рукописи, опубликовано было уже в «Русской Старине» 1879 г. (т. XXVI, стр. 326); записка к Григоровичу, сколько знаем неопубликованная и поныне, по частным сведениям, хранится теперь у В. И. Срезневского. Нужно думать, что из собрания Куриса происходит и тот автограф стихотворения «К морю», который в 1921 г. был приобретен в Одессе проф. П. А. Михайловым и находится теперь у владельца в Париже.

Так исчезало и расплывалось рукописное наследие Пушкина, хранившееся в Одессе в течение ста лет. Не все рукописи поэта, здесь находившиеся, попали в надежные книгохранилища; не мало их исчезло безвозвратно, благодаря небрежению их владельцев и нелюбопытству знавших о них... Во всяком случае, единственными автографами Пушкина, находящимися сейчас в Одессе, можно считать надпись Пушкина на обрывке заглавного листа какой-то книги, хранящемся в Одесской Гос. Публ. Библиотеке (здесь же современная Пушкину копия стих. «Гречанке»), и четыре расписки Пушкина в делах Исторического Архива, обнаруженные Г. П. Сербским, из которых одна была уже цинкографически воспроизведена в юбилейном пушкинск. номере лит. приложений к газ. «Известия» (Одесса, 1923, № 1084), а все четыре опубликованы в настоящем сборнике.

М. А.

Об исчезнувшем Пушкинском деле.

В бывшем архиве Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства (ныне Одесский Исторический Архив) хранится несколько пушкинских дел: знаменитое дело о высылке Пушкина в Псковскую губернию (напеч. в «Ведомостях Одесск. Градонач.» 1899, № 102), дело о саранче, в котором имеется бумага Воронцова о командировке поэта, и три казначейских книги с автографами Пушкина — расписками в получении жалованья.

Но, кроме этих дел, в архиве имелось еще одно, которое чуть не погибло и в результате оказалось изъятым из генерал-губернаторского архива.

В 1850 году, ввиду обилия накопившихся в архиве бумаг, была назначена комиссия для отбора дел, подлежащих уничтожению. Комиссия эта, состоявшая из архивариуса Издебского и интендантского (!) чиновника титулярного советника Книшова, в помощь которым были даны «канцелярские», в числе других дел, подлежащих уничтожению, назначила дело «по отношению министра иностранных дел о жаловании коллежского секретаря Пушкина», 1824 г. К счастью, опись всех обреченных дел предварительно направлялась в соответствующие центральные ведомства, и министерство иностранных дел вытребовало это дело, в числе других 63, в главный архив министерства.

Таким образом, обнаруживается след, по которому можно искать это дело в ленинградских архивах.

В Одессе имелось второе, аналогичное этому дело. В издании «Пушкинской» комиссии Одесского Литературно-Артистического Общества «Дело о Пушкине» (Од., 1899 г.), где дано, собственно, дело 1820 г. «о взыскании с коллежского секретаря Пушкина должных по заемному письму, данному им барону Шелингу, 2.000 р. денег», в предисловии читаем, что, кроме вышеназванного дела, в Пушкинскую Комиссию Общества поступило еще одно — «О жаловании коллежского секретаря Пушкина», 1823 г. Оба дела переданы сюда из архива управления государственными имуществами Херсонской и Бессарабской губерний, где они хра-

нились среди дел попечительства о колонистах южного края России. Отыскать теперь эти дела не удалось.

О втором деле в предисловии говорится: «все дело под № 12 состоит из переписки между Инзовым и гр. Воронцовым (с 30 ноября 1823 г. по 31 декабря 1823 г.) о пересылке из Петербурга в Кишинев и отсюда в Одессу и вручении «коллежскому секретарю» Пушкину жалованья за майскую треть 1823 года в размере 225 р. ассигнациями и 60 коп. серебром».

Из этого видно, что дело о жаловании Пушкина из генерал-губернаторского архива (т. е. из воронцовской канцелярии) и из попечительного комитета о колонистах (т. е. инзовской канцелярии) — это были два параллельных дела, отличавшихся только тем, что в одном бумаги Воронцова были черновыми, а Инзова—беловыми, в другом же наоборот. Одно из этих двух дел, повидимому, погибло в недрах «пушкинской» комиссии одесского Литературно-Артистического общества или в полуразрушенном архиве попечительного комитета о колонистах, а другое следует искать в Ленинграде, в бывшем архиве министерства иностранных дел¹⁾.

В. Стратен.

¹⁾ Существует, однако, известие, что в 1902 году оба этих дела «по требованию из Петербурга отправлены в министерство земледелия». Тот же источник сообщает, что «в нерассмотренной до сих пор части архива (Поселений южн. края России) предполагают найти еще некоторые дела, имеющие связь с пребыванием А. С. Пушкина на юге России» («Одесск. Новости» 1902, № 5720; «Литер. Вестн.» 1902, кн. 5, стр. 69).

Ред.

Пушкин и Д. М. Княжевич.

Одно из первых писем Пушкина, написанных им в Одессу из Михайловского, сохранившееся в черновике Рум. Муз. № 2370 л. 41 об. и предположительно относимое к декабрю 1824 г. обращено к «милому Дм. Мак[симовичу]». Из письма видно, что оно адресовано к одесскому жителю, близкому знакомому Пушкина, хорошо посвященному в обстоятельства его жизни в 1823—24 гг. и, может быть, недобровольного отъезда из Одессы: «Буря, кажется, успокоилась. Осмеливаюсь выглянуть из своего гнезда и подать вам голос»... «Вот уже четыре месяца, как я нахожусь в глухой деревне, — скучно, да нечего делать. Здесь нет ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни вас, друзья мои. Но зато нет ни саранчи, ни милордов Уор[онцовых]». «Об Одессе — ни слуху, ни духу. Сердце вести просит, — а то не смел затеять переписку с оставленными товарищами». «Ради бога, слово живое об Одессе, — скажите мне, что у вас делается»... (Ак. Переп. I № 112). Возможно, что письмо не было послано: начало его дословно повторено в письме к Туманскому, также в Одессу (13 авг. 1825 г.): «Буря кажется успокоилась; осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда», а его последняя фраза приводит на память конец письма к кн. В. Ф. Вяземской: «Au nom du ciel, un mot d'Odessa»... (конец октября 1824 г.). Во всяком случае, далеко не случайное сходство это может служить лишним доказательством интимной близости Пушкина к неизвестному нам адресату его письма.

Первые издатели его — П. В. Анненков (Пушкин в Александровскую эпоху, СПб., 1874, 244—245) и В. Е. Якушкин (Р. Стар. 1884, т. 43, стр. 18) не высказали никаких предположений относительно того, к кому оно обращено. В Академическом издании и других оно только предположительно обращено к Дмитрию Максимовичу Княжевичу (1788—1844). П. О. Морозов в изд. Просвещ. VIII, 80—81, однако, безоговорочно отнес его к названному лицу, отметив в примечании, что Княжевич «служил в Одессе по м-ву финансов и впоследствии был попечителем одесского

учебного округа». Те-же сведения повторены и у Венг. VI, 538. В другом месте (Венг. III, 580) П. О. Морозов также утверждал, что Княжевич служил в молодости при Воронцове в Одессе, где и познакомился с Пушкиным, с которым был потом в переписке». Неизвестно, откуда взяты эти сведения, и поэтому остается предположить, что они были простой ошибкой памяти. В биографической литературе о Д. М. Княжевиче (она перечислена у Венгерова, Источн. словаря руск. пис., т. III, 106—107) факт пребывания его в Одессе в 1824 г. совершенно неизвестен. Одесские биографии, воспоминания, некрологи ограничиваются обозрением деятельности Княжевича в качестве попечителя одесск. учебн. округа (с июля 1837 по 1844 г.), но о более раннем пребывании его в Одессе не упоминают, что было бы вполне естественно. Авторы некролога его, приложенного к I тому «Записок Одесск. Общ. Истории и Древн.», вероятно пользовавшиеся его формуляром¹⁾, однако, указывают, что в 1824 г. Княжевич получил место петербургского вице-губернатора, что подтверждается и последующими печатными известиями. Во всех биографиях Княжевича почти дословно повторяется, что по возвращении из за границы, летом 1820 года Княжевич поступил на службу в Департамент Госуд. Казначейства, «нов в 1824 г. литературная деятельность Д. М. Княжевича была прекращена назначением его (6 марта) в должность с.-петербургского вице-губернатора, поглотившую все его внимание, все время. Он прибыл в этой должности три года, исполнял ее с неутомимым усердием» (См. Н. Гр[еч], Воспоминание о Д. М. Княжевиче, СПб., 1860, стр. 9; «Отеч. Зап.» 1860, т. СXXXI, июль, 30—31; «Р. Ст.» 1888, т. 54, кн. 4, стр. 130—131 и др.). Справедливость этого свидетельства подтверждает письмо А. М. Княжевича к брату Николаю из Петербурга от 24 июля 1824 г.: «у брата много хлопот по своему вице-губернаторству» («Щукинск. Сборн.» IX, стр. 192); кроме того мы знаем, что 8 декабря 1824 г. Д. М. Княжевич предложил А. С. Грибоедова в члены С.-Петербургск. Вольн. Общ. Любит. Росс. Словесности (П. Е. Щеголев, Исторические этюды, СПб., 1913, стр. 298). Таким образом Д. М. Княжевич не был в Одессе в 1824 году, и письмо обращено не к нему, а к другому, пока нам неизвестному лицу²⁾.

¹⁾ Воспользоваться этим формуляром мне не удалось: при самых тщательных поисках во всех сохранившихся одесских архивах, он остался неразысканным. Некролог этот, по свидетельству Н. Н. Мурзакевича («Автобиография» СПб., 1886, стр. 164) написал Н. И. Надеждиным и В. В. Григорьевым, которые «пускаясь в панегирик, умышленно допустили некоторые неточности и неосновательные указания».

²⁾ Настоящему письму Пушкина вообще не повезло: отметим здесь, кстати, еще одно досадное недоразумение: окончание его в Ак. изд. читается так: «скажите во первых выздоровела ли *кисленькая гр. Гурьева*»: речь ве-

Вряд-ли, впрочем, между Пушкиным и Княжевичем могли быть столь дружеские отношения, какие необходимо предположить, вчитываясь в строки загадочного письма. С Княжевичем Пушкин, правда, мог быть знаком еще по «Арзамасу», — через Д. В. Дашкова («Русск. Биографич. Словарь», т. Кнапше-Кюхельбекер, стр. 10), но близости между ними не было. Принадлежа к старшему поколению литераторов александровской эпохи, Княжевич дружил с А. Е. Измайловым, Милоновым, Батюшковым (письмо последнего бр. Княжевичам 1818 г. см. «Стар. и Новизна» IX, 315—316), но возвышаясь на общественной лестнице, он все чаще пренебрегал литературными занятиями, ревностно отдаваясь службе. Если Пушкин действительно его имел в виду в послании к «Н. Н. (при посылке «Невского Альманаха»)» (Венг. II, 400), то сопоставление имен Княжевича, Хвостова и Великопольского говорит скорее о насмешке, чем о дружеской шутке... К тому, что мы знаем об их отношениях, ничего не прибавляют и письмо Д. М. Княжевича к А. С. Пушкину (21 марта 1834 г.) с извещением о пожалованной поэту ссуде в 20.000 р. на издание «Истории Пугачевского бунта» и написанный на другой день официально-деловой ответ Пушкина Княжевичу (Переп. т. III, стр. 86—87).

М. А.

роятно идет о больной дочери одесского градоначальника гр. А. Д. Гурьева (подробности см. «Ост. Арх.» III, 78. Ср. *ibid.* V, вып. 2, 136, 141), однако Анянков и Якушкин читали: «скажите во первых выздоровела-ли Катенька. Гр. Разумовской я сердечно желаю» и т. д., подразумевая под «Катенькой» — К. Гик - Стурдзу. То-же чтение у Ефремова (VII, 137) и во всех изданиях П. О. Морозова (Лит. ф. VII, 96, Просв. VIII, 81, Венг. V, 535), из которых последних два «заново проверены по подлинникам», что и оговорено в специальном примечании. Не имея возможности проверить правильность чтения по рукописи, мы предпочитаем чтение В. И. Саитова, в виду большей авторитетности его текста и заявления Н. О. Лернера, что «в подлиннике очень ясно читается: выздоровела-ли кисельная гр. Гурьева» («Историч. Вестн.» 1906, V, стр. 641).

«Ареопаг» о Пушкине.

В 1828, 1829 и 1830 годах студентами Одесского Ришельевского Лицея издавался рукописный журнал, под громким названием: «Ареопаг». Студенты делились в нем своими впечатлениями по поводу прочитанных книг, упражнялись в стихотворчестве и в прозаических писаниях, рассказывали события из своей лицейской жизни, приводили целиком некоторые произведения современных поэтов, как И. Козлова, Пушкина и др. Рукопись эта состоит из шести отдельно переплетенных тетрадок, в которые включены сначала по месяцам, а в 1830 году по неделям, пять частей журнала и одна часть «Дополнений». Она отличается свободным, четким почерком и снабжена рисунками и виньетками от руки. Составляли ее студенты пятого, т. е. тогдашнего старшего класса Лицея анонимно, за исключением одной подписи поэта Магденко. Но из других источников известно, что главными сотрудниками журнала были лицеисты Николай Тройницкий и Алексей Ушаков. Рукопись эта хранится ныне в Одесской Государственной Публичной библиотеке, куда она поступила в дар от сына Н. Тройницкого. Она представляет большой библиографический интерес, как потому, что она была издана, повидимому, всего только в одном экземпляре, так и потому, в особенности, что она дает интереснейший материал для характеристики жизни старой Одессы и свидетельствует о высоком культурном уровне одесского студенчества еще в двадцатых годах прошлого столетия¹⁾. Начав подробное библиографическое описание этой книги, мы приводим в настоящем сборнике лишь

¹⁾ Следует отметить, что в 20—30 гг. рукописные школьные журналы были в обычае: вспомним Пушкинский лицей («Свободные часы», «Лицейский Мом», «Лицейский мудрец» и др.), журнал московского благородного пансиона, Гоголевскую «Звезду», издававшуюся в Нежинской Гимназии. Большинство подобных журналов описано у С. Г. Смирнова — «Учебные журналы и сборники». М. 1901. Существенные дополнения к этой работе см. в «Литературных заметках» Н. А. Янчука «Изв. Отд. Р. Яз. Слов. и И. А. Н. 1908 г. кн. 4-ая, где, между прочим, много говорится о популярности Пушкина в школьной среде в 20—30-х гг.

извлечение из этой работы, относящееся к статьям и заметкам, помещенным в «Ареопаге» и посвященным Пушкину.

В 1828-м году и позже еще свежо было в среде Ришельевских лицеистов обаяние Пушкина. Не только чтение его запретных стихов в редкие моменты, когда учащиеся оставались свободными от надзора своих педантов-воспитателей, не только увлечение «Русланом и Людмилой», «Цыганами» и первыми главами «Евгения Онегина» оставили в них неизгладимое впечатление. Они находились еще в очаровании от самой личности великого поэта, который во время своего пребывания в Одессе в 1821 и в 1823—24 годах, неоднократно посещал Ришельевский Лицей и ласково беседовал с воспитанниками, вспоминая здесь и свои лицейские годы. Об этом лучезарном моменте в жизни одесской молодежи ярко свидетельствуют «воспоминания» лицеистов: Александра Сумарокова («Од. Вестн.» 1886 г. № 346), Николая Тройницкого в сборнике «Ришельевский Лицей и Императорский университет (Одесса, 1898 г., ч. 1-ая) и у Болеслава Михайловича Маркевича («Профили старых времен». Полн. собр. сочин. СПб. 1885 г. т. XI, стр. 370—372). Рассказы Сумарокова и Тройницкого хорошо известны; воспоминания же Болеслава Маркевича теряются в многотомности его сочинений. А между тем они очень ценны. Вот строки, относящиеся к тому потрясающему впечатлению, которое произвела на лицеистов весть о смерти Пушкина: «войдя однажды в класс, он (преподаватель Будрин, читавший в Лицее частную реторику) сказал судорожно задрожавшим голосом: «Господа, великое горе постигло Россию — Пушкина не стало!» Весь класс, как один человек, вскочил с лавок». «А-ах!» стоном кликнуло все. Поэт наш, осьмнадцатилетний Ашик, которому суждено было самому умереть год спустя от чахотки, истерически зарыдал и упал навзничь, в обмороке. И затем все кругом громко зарыдало»... Если сопоставить эти строки с знаменитым некрологом, помещенным в «Одесск. Вестнике» в 1837 г. в день получения в Одессе вести о кончине Пушкина, который, как известно, был написан тоже лицеистом Александром Тройницким, братом Николая, то мы почувствуем всю глубину горя, которым были проникнуты студенты Лицея, когда узнали о постигшей их утрате.

«Аребпаг» писался в счастливую пору, когда Пушкин был в расцвете своей славы. Любопытно было бы выяснить, как попадали в Одессу его произведения. Пользовались ли лицеисты только печатными изданиями или также ходившими по рукам списками? Проживавший в те времена в Одессе граф П. А. Разумовский был страстным коллекционером книг и автографов и имел у себя между прочими рукопись оды Державина «К Вельможе». Многие одесситы

имели у себя списки с пушкинских стихотворений. От них, вероятно, и попадали копии с этих сочинений в стены Лицея. А. Сумароков прямо говорит в своих воспоминаниях, что «Руслан и Людмила» «была для нас запрещенною книгою и, вообще, мы ничего, кроме казенной хрестоматии, не читали». А между тем все лицеисты, судя по «Ареопагу», отлично знали всего Пушкина.

Отметим одну особенность исследуемого нами лицейского журнала. Он написан хорошим русским языком (хотя и не без некоторых чисто одесских провинциализмов). Но русский язык был в Ришельевском лицее даже в конце двадцатых годов в большом пренебрежении. Первые директора лицея—аббат Николь и Реми-Жилле были французами и почти все преподавание велось на их языке или по латыни. Потом, при директоре Генлейте преобладал немецкий язык. Чем-же объяснить обращение лицеистов в «Ареопаге» к своей отечественной речи? Не тем-ли обаянием Пушкина, о котором мы уже говорили? А. И. Маркевич (Пушкин и Новоросс. край. Од. 1900, стр. 26) сообщает со слов Николая Тройницкого, что «журнал этот (Ареопаг) был вызван к жизни именно влиянием Пушкина». Надо еще вспомнить, что во время издания Ареопага директором Лицея состоял в 1828—1829 гг., после Генлейта и кратковременного директорства графа Витта, Иван Семенович Орлай, тот самый, который в бытность свою директором Нежинской гимназии, оказал столь большое влияние на Гоголя. При нем, конечно, русским воспитанникам Лицея дышалось более свободно.

Рукопись «Ареопага» была известна проф. А. И. Кирпичникову¹⁾, А. Маркевичу, В. Яковлеву и другим. Дал о ней библиографическую справку в «Од. Листке» и Л. Гроссман: но ей до сих пор еще не была посвящена специальная работа. Ниже, в приложении, мы даем перечень всех упоминаний о Пушкине в «Ареопаге», сделанный на основании внимательного просмотра всех его шести тетрадей. Перечень этот дает некоторое представление об отношении лицеистов к Пушкину, о начитанности их в его произведениях, наконец, об одесских традициях в его усвоении и понимании.

¹⁾ «Одесса 1794—1894» Од. 1895, стр. 589—592.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Страницы и строчки «Ареопага», посвященные Пушкину.

1828 г. Часть 1-ая. № 1. Март. В статье «О классической и романтической литературе», на стр. 4-ой приведены шесть строк из «Евгения Онегина»: «Британской музы небылицы» и др.

На стр. 6-ой: переписано целиком стихотворение Пушкина «Стансы» (В надежде славы и добра...).

На стр. 20-ой: в отделе «Критика» — большая статья «О современной русской литературе», в которой автор обрушивается с чисто юношеским пылом на тех «многочисленных вестовщиков, которые беспреестранно кричат, что русская литература бедна, что она ничего не имеет собственного, оригинального» и т. д., и, беря под защиту русских писателей, ссылается на отрадное явление выхода в печати за первые два месяца 1828 г. нескольких ценных произведений изящной словесности. После хвалебного разбора поэмы И. Козлова «Княгиня Наталья Долгорукая», следуют несколько строк о Пушкине, начинающихся словами: «Четвертая и пятая главы «Евгения Онегина» наконец вышли. Сие творение с самого начала появления наделало столько шуму, что на него со всех сторон посыпались разные толки и суждения» и т. д. В заключение критик признает «Евгения Онегина» превосходным романом и обещает «со временем подробнее поговорить о сочинениях Пушкина».

Особое внимание уделяется затем Альманеху барона А. Дельвига «Северные цветы», из произведений которого отмечаются «Граф Нулин», как «нравственная повесть, прекрасно написанная Пушкиным», и «Борис Годунов»... Отзыв о «Борисе», свидетельствующий о тонкости поэтического чутья молодого критика «Ареопага», мы приводим здесь целиком: «В Борисе Годунове виден всеобъемлющий гений Пушкина. Величественные и привлекательные сцены, пламенные летучие стихи и живость действия ставят сие сочинение на ряду с лучшими произведениями Русской Словесности. Впрочем, мы не осмеливаемся сказать решительного мнения о сей трагедии, потому что она еще неиздана

вполне, но кажется, что это будет одним из лучших творений А. Пушкина». В подкрепление своего отзыва критик приводит знаменитый монолог князя Курбского: «Вот, вот она! Вот русская граница!» Далее в той же статье переписывается целиком стихотворение «Ангел» (В дверях эдема ангел нежный) как «прекрасное сочинение Пушкина, маленькое по величине, но большое по достоинству». Статья заканчивается следующими словами: «Пушкин обладает удивительным искусством. Он пишет также хорошо забавное, как и трогательное. Нам нравится, когда он смеется, нам нравится, когда он плачет. Он всегда разнообразен и всегда нов; к нему можно применить собственные его стихи, которые он сказал о Росснии:

«Он вечно тот-же, вечно новый,
«Он звуки льет, они кипят,
«Они текут, они горят
«Как поцелуй молодые».

1828 г. № 2. *Апрель*. На стр. 84 в отделе «Смесь» упоминается о стихах Пушкина об Одессе: «Еще есть недостаток важный. Чего-б вы думали? Воды»...

1828 г. № 3. *Май*. На стр. 60-ой в статье «Отрывок из Нового Тристрама» приведены несколько строк из «Цыган» Пушкина: «Еще одно, одно лобзанье» и т. д. На стр. 74, в отделе «Критика», при разборе альманаха «Альбом северных муз» упоминается «прекрасное произведение» Пушкина «Талисман». На стр. 75, говоря о «Невском Альманахе на 1826 г», обозреватель обращает внимание, что издатель поместил у себя «явную насмешку на свой же Альманах, единственно от того, что она была написана Пушкиным». На стр. 76 упоминание о картинке к трагедии «Борис Годунов» (Ночная сцена в келии) в «Невском Альманахе на 1828 г.». На стр. 78 — о хорошем переводе стихов А. Шенье, А. Пушкина.

1828 г. *Часть 2-ая. № 4. Июнь*. На стр. 23—эпиграф из Пушкина к повести «Владимир Разгульный»: «Незримый хранитель могуществу дан». На стр. 30 упоминание о полученной в редакции «Ареопага» статье с несправедливыми суждениями о романтической поэзии и о «Руслане и Людмиле», какую редакция отказалась поместить в своем журнале.

1828 г. № 6. *Август*. На стр. 152 эпиграф к продолжению повести «Вл. Разгульный»: «Уж эти мне друзья, друзья! об них не даром вспомнил я». На стр. 163-ей, в «Смеси», приводится возраст всех современных русских писателей и указывается, что А. Пушкину — 28 лет.

1828 г. *Часть 3-ья. № 7. Сентябрь*. На стр. 102, в статье «Из записок А—а» стихи Пушкина: «И тут предвижу затрудненья, страны родной спасая честь».

В 1829 и 1830 гг. «Ареопаг», как журнал, ничего о Пушкине не сообщает, но в своих ежедневных «Дополнениях» за 1830 г. дает несколько интересных известий. В первом № в фельетоне «Внутренние события» журнальный обозреватель разносит «Московский Телеграф» и ставит ему в вину, что «не он приветствовал вдохновение бессмертного Пушкина»... (стр. 20). В «Смеси» № 3-ьего на стр. 24 сообщение: «А. С. Пушкин вскоре издаст записки о своем путешествии по Закавказским областям и некоторой части Малой Азии. Любопытный отрывок из сих записок: «Военно-Грузинская дорога» был напечатан в Литературной Газете».

В № 4 в «Смеси» на стр. 40 по поводу статьи Арцыбашева «Об убиении Димитрия», в которой высказывается мнение, что «царевич не был умерщвлен по наущению Бориса Годунова, а сам лишил себя жизни в припадке черной болезни», автор заметки пишет: «желательно было бы поскорее прочесть в Истории Русского Народа выводы Н. А. Полевого о сем важном предмете. Это может иметь влияние даже и на нашу литературу. По напечатанным сценам из трагедии «Борис Годунов» видно, что поэт придерживается прежнего мнения. Без сомнения это не может повредить его сочинению, ибо достоинство трагедии должно быть ценимо по степени поэтического исполнения основной ее мысли; однакож не замедлит-ли это времени появления сей трагедии в свет?..»

Последнее упоминание о Пушкине в «Ареопаге»—в фельетоне «О Театре», где, при разборе исполнявшегося в Одессе в городском театре балета с пением на «малорусском» языке «Пан Твардовский», приведены стихи Пушкина об Истоминой: «Блистательна, полувоздушна» и т. д.

«Ареопаг» закончился на седьмом, июньском, номере 1830 года.

Александр Де-Рибас.

Л. С. Пушкин в Одессе.

В 1841 году Л. С. Пушкин покинул Кавказ. В конце 1841 г. он взял четырехмесячный отпуск, в полк больше не возвращался и 5 мая 1842 г. был по прошению уволен¹⁾, Племянник его, Л. Н. Павлищев сообщает причину прекращения «странствований по закавказским степям»: Л. С. постигла тяжкая болезнь, которая и принудила его оставить военную службу²⁾. Конечно, помимо болезни, в этом важном событии жизни Л. С. сыграли роль и другие обстоятельства: полное расстройство денежных средств, утомление с годами «беспечной» жизнью и т. д.

В 1843 г. Л. С. поселился в Одессе, где и жил до самой смерти. По приезде в Одессу, он начал хлопотать об определении в гражданскую службу и 26 октября 1843 г. был назначен «чиновником С.-Петербургской Таможни для познания дел, с прикомандированием к Одесской Портовой для исправления должности члена сверх штата». В этом же звании Л. С. служил в Одесской Портовой Таможне до 1848 г. Временно с 24 апреля 1844 г. по 17 декабря 1845 г. Л. С. был перемещен на службу в Одесскую Сухопутную Таможню. Лишь только 3 апреля 1848 г. он был назначен членом Портовой Таможни, а 15 июня 1849 г. произведен из коллежских ассессоров в надворные советники³⁾.

Незадолго до поступления на службу, 13 октября 1843 г. Л. С. женился на двадцатилетней девушке Елиса-

¹⁾ Архив Одесской Таможни. Дела Одесской Таможни. Разряд I связка 13 № 144—1851 г. (формулярный список). См. также: Л. Майков. Пушкин. СПб. 1899 г., стр. 40.

²⁾ «Русская Старина» 1896 г. № 9, стр. 56. Ср. рассказ А. Л. Дементру. «Лит. Вестник» 1902 г., кн. I, стр. 141.

³⁾ Формулярный список, служебные рапорты Л. С. и другие документы, хранящиеся в Архиве Одесской Таможни: Дела Начальника Одесского Тамож. Округа. Разряд I св. 38 № 736—1843 г., л.л. 383, 384, 419; св. 42 № 854—1848 г., л.л. 27—28; св. 43 № 870—1849 г., л. 101. Дела Одесской Таможни. Разряд I св. 12 № 121—1844 г., л.л. 2—5; № 123—1845 г., л.л. 116—117, 123, 132; № 126—1846 г., л. 11; № 134—1848 г., л.л. 147—148; № 136—1848 г., л.л. 5, 6—7, 25; св. 13 № 139—1849 г. л.л. 28—29.

вете Александровне Загряжской¹⁾, по отзыву Тройницкого «очень красивой и симпатичной блондинке». О ней, к сожалению, до нас дошло очень мало сведений. По характеру своему она, повидимому, была до некоторой степени близка Л. С. Как и он, Елисавета Александровна, например, любила «веселиться в многолюдном обществе» и т. д.²⁾ У Л. С. и Елисаветы Александровны были дети: сын Анатолий, родившийся 17 марта 1846 г. и дочери — Ольга род. 21 сентября 1844 г. и Мария род. 24 мая 1849 г.³⁾

В Одессе, в кругу местной интеллигенции, Л. С. занял видное положение. В его доме собирались представители различных слоев общества: добродушный, всегда веселый и любезный хозяин дома отличался гостеприимством и слыл за хлебосола⁴⁾. ореол родственной близости к великому поэту, большая склонность самого Л. С. к искусству и в особенности к поэзии⁵⁾, привлекали к нему всех, имевших то или иное отношение к литературе. Л. С. был близко зна-

¹⁾ Отец Елисаветы Александровны — д. ст. сов. Александр Михайлович Загряжский, служивший в должностях Симбирского гр. губернатора, члена консултации при Министерстве Финансов и состоявший с 1838 г. при Главноуправляющем Почтовым Департаментом кн. А. Н. Голицыне, в начале 1842 г. был перемещен в Одессу в ведомство Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Перевод этот, как сообщает князь А. Н. Голицын в официальном письме к графу М. С. Воронцову, был вызван тем обстоятельством, что Загряжский, получая ок. 1700 руб. сер. в год «по растроенному состоянию своему затруднялся жить долее в столице». В Одессе Загряжский служил, ведая надзором за продовольственными магазинами, взиманием недоимок и доставкой каменного угля, до 1846 г. В июне 1846 г. он был уволен за «вниманием никаких занятий». Благодаря отсутствию «недвижимого имущества», Загряжские, таким образом, вновь оказались в «стесненном положении», вряд ли облегчаемом Л. С. Пушкиным, главным источником существования которого было получаемое по службе содержание. Архив б. Нов. и Бессар. ген.-губернатора. По общей канцелярии Дело № 42 — 1841 г., № 72 — 1842 г.; по особенной части № 108 — 1846 г. Ср. «Русск. Старина» 1879 г. № 1, стр. 174.

²⁾ Л. Мацевич. Одесские предания о Гоголе. «Одесск. Листок» 1909 г. № 159 (14 июля), № 172 (29 июля). Воспоминания Н. Г. Тройницкого.

³⁾ В формулярном списке, составленном в конце 1847 г., показана еще дочь София, в возрасте одного года. Начиная с формуляра 1848 г. София больше не упоминается. Дела Одесск. Таможни. Разряд I св. 11 № 132 и 136. Ср. «Архив Раевских» под редакцией Б. Л. Модзалевского. Том II, стр. 461—462.

⁴⁾ Восп. А. Л. Деменистру. «Лит. В.» 1902 г. кн. 1 стр. 141—142 и «Русск. Ст.» 1901 г. № 11 стр. 324.

⁵⁾ Л. С., как известно, писал стихи, хотя и избегал публиковать их. При жизни его было напечатано лишь стихотворение «Петр Великий» («От. Записки» 1842 г. июль), вызвавшее одобрительный отзыв Белинского. См. Л. Майков, Пушкин стр. 31—37, 248; Л. М. [ацевич]. «Одесск. Листок» 1903 г. № 128. В Одессе Л. С. были написаны и воспоминания о брате. См. «Москвитянин» 1853 г. № 10 стр. 50—58; Соч. Пушкина изд. П. В. Анненкова том I стр. 1; «Москвитянин» 1854 г. том III № 9 смесь стр. 1; Л. Майков. Пушкин стр. 3—14.

ком с Н. Ф. Щербиною¹⁾, Я. П. Полонским²⁾, Б. М. Маркевичем³⁾, А. И. Подолинским⁴⁾, Н. Н. Мурзакевичем⁵⁾, кн. П. И. Шаликовым⁶⁾, принимал у себя приезжавших в Одессу Н. В. Гоголя⁷⁾, кн. П. А. Вяземского⁸⁾, М. П. Погодина⁹⁾.

Особенно близок к Л. С. был, повидимому, Н. Г. Троицкий (ум. 8 окт. 1892 г.), в то время сослуживец его по таможенному ведомству. Н. Г. Троицкий, горячий почитатель поэзии Пушкина, автор известного прочувственного некролога Пушкина, оставил ряд воспоминаний и о Л. С. Воспоминания эти, главным образом, записанные Л. С. Матцеевичем («Одесский Листок» 1909 г. № 159, 172, 181), являются ценным материалом для истории пребывания Л. С. в Одессе и характеристики его в последний период его жизни. Н. Г. Троицкий начинает свои воспоминания с описания наружности Л. С. «Он был рыжеватый с проседью, с баками, верхняя губа выдавалась вперед и обличала негрятинское происхождение. Он был довольно плотный, росту ниже среднего; ходил переваливаясь и расставляя ноги, как и его великий брат, который был выше его ростом»¹⁰⁾. Далее Н. Г. Троицкий сообщает подробные сведения об образе жизни Л. С., попутно останавливаясь и на его характеристике: «Мы с ним были большие приятели, но сходились большею частью в Пале-Рояле или у Оттона. Как соберемся, то несколько часов проведем—все в разговорах о литературе,

¹⁾ Полн. собр. соч. Н. Ф. Щербины. Слб. 1873 г. стр. XXII, 109; соч. Пушкина акад. изд. том III стр. 462; письмо Б. М. Маркевича князю Н. Н. Голицыну—«Русск. Вестник» 1888 г. № 9 стр. 426—430; Полн. собр. соч. Б. М. Маркевича том XI стр. 342. Н. О. Лернер, Н. Ф. Щербина—«Ист. Вестн.»—1906, X, 220—221.

²⁾ «Космополис» 1898 г. № 3 стр. 202.

³⁾ «Русск. Вестник» 1888 г. № 9 стр. 426—430; Полн. собр. соч. Б. М. Маркевича т. 11 стр. 189, 411; соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова т. VI, стр. 194; Л. Майков Пушкин стр. 28—31; П. Ефремов. Мнимый Пушкин. «Нов. Время» 1903 г. № 9851.

⁴⁾ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина кн. 8 стр. 443—444; Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. Слб. 1886 г. стр. 167, 220.

⁵⁾ «Одесск. Листок» 1909 г. № 159; Н. Н. Мурзакевич. Автобиография, стр. 220.

⁶⁾ Письмо Л. С. Пушкина Плетневу. «Р. Арх.» 1902 г. кн. I, стр. 353, «Од. Л.» 1909 г. № 159.

⁷⁾ А. И. Маркевич. Гоголь в Одессе. Од. 1902 г. стр. 6—7, 10, 26—30; «Од. Л.» 1900 г. № 52; 1909 г. № 159, 172, 181.

⁸⁾ «Од. Вестник» 1849 г. № 55, 63; 1850 г. № 67. Ср. Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского, том 8, стр. 236—239.

⁹⁾ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII, стр. 443—444.

¹⁰⁾ «Од. Л.» 1909 г. № 159. Описание это деликом соответствует рассказу Н. И. Лорера. «Р. Арх.» 1874 г. кн. I, стр. 384. См. также: Восп. М. В. Юзефовича. «Р. Арх.» 1880 г. кн. III, стр. 434; полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского т. VIII, стр. 237; письмо Б. М. Маркевича «Русск. Вестн.» 1888 г. кн. 9, стр. 427. Портрет Л. С.—в «Альбоме Московской Пушкинской Выставки». М. 1882 г. и в «Ист. Вестн.» 1887, III.

то декламируем стихи. Память у него была феноменальная, он наизусть читал целые строфы из «Евгения Онегина»¹⁾.

Вообще он был очень образованный человек, и русский язык знал и понимал до тонкости... Вся суть слова была открыта ему. В беседе был очень остроумен и колок...²⁾. При встречах мы «шутили», оба были весельчаки и говорунны. Сойдемся бывало в Пале-Рояле или у Оттона, ужинаем, балагурим и пьем до полуночи шампанское. Пушкин пил, но не до безобразия. В особенности любил он шампанское марки Шамбертэнь... В нашей компании часто бывал Н. П. Ильин³⁾, чиновник при Воронцове, ровня Пушкину в знании литературы, человек веселый, настоящий *bon vivant*. Оба они прекрасно читали стихи наизусть — и записанные, и еще нигде не печатанные. Мы все тогда много пили — и я, и Пушкин, и Ильин. Только проф. Мурзакевич, иногда бывавший в нашей компании, не пил, а больше ел. Часто кутили мы у помещика Кологривова...⁴⁾. Этот Кологривов был в каком то родстве с домом Воронцова, вообще был из богатых бар. Отличался некоторыми чудачествами. У входа на его дачу — железная решетка, железные ворота и медведь живой на цепи. Задавал он обеды настоящие Лукулловские. Пушкин и Ильин у него часто бывали, я же иногда отказывался».

В Одессе Л. С. встречался и с декабристами С. М. Палицыным, А. И. Вегелиным и Н. И. Лорером. Николай Иванович Лорер, уволенный 11 февраля 1842 г. из Тенгинского пехотн. полка прапорщиком, поселился в имени своего родного брата, отст. штабс-ротмистра Дмитрия Ивановича

¹⁾ Ср. «День памяти Пушкина». Одесса, 1880 г. стр. 47 (вступление Н. Г. Тройницкого). См. также: письмо Ф. Н. Глинки к А. С. Пушкину. Переп. Пушкина, т. II, стр. 116—118; Полное собр. соч. князя П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 236; соч. Пушкина изд. П. В. Анненкова, т. VII, часть 1, стр. 83 (рассказ Н. Ф. Щербини); «От. Зап.» 1853 г., т. 89, июль, отд. 5, стр. 68 (В. П. Гаевский). Н. П. Кичеев, Судьбы V-ой гл. «Евг. Онегина» (рассказ А. М. Загряжского) — «Р. Ст.» 1884, т. IX, 564.

²⁾ Ср. кн. П. А. Вяземский, т. VIII, стр. 238; Л. Н. Павлицев. Из семейной хроники «Русск. Старина» 1896 г., сент., стр. 565.

³⁾ Убит 22 окт. 1857 г. на Кавказе. См. К. А. Бороздин. Упразднение двух автономий. «Ист. Вести.» 1885 г., т. XX, стр. 74. Актер Толчевов в своих воспоминаниях о пребывании Гоголя в Одессе, м. пр. говорит: «Соколов (А. И.—член дирекции театра) и Ильин, со многими другими, в числе которых назову Льва Сергеевича Пушкина, пользовались в свое время большим влиянием на общественное мнение Одессы, как в деле искусства, так и в вопросах справедливости, и даже впоследствии, несмотря на перемену обстоятельств, эти люди до конца своей жизни сохранили свободу слова и мнений и свой авторитет». Л. М. Де-Рибас. «Из прошлого Одессы». Одесса, 1894 г., стр. 117.

⁴⁾ Любопытные сведения о М. А. Кологривове сообщает Б. М. Маркевич. Полн. собр., соч. том XI, стр. 409—413. О «холостой компании» Л. С. см. еще: Автобиография Н. Н. Мурзакевича. Спб. 1886 г., стр. 167, 220.

Лорера (ум. в 1868 г.), сельце Водяном, Херсонского уезда¹⁾. Л. С. сблизившийся с Лорером еще во время своего пребывания на Кавказе, возобновил свои дружеские отношения с ним и даже, однажды, как сообщает в своих записках Лорер, навестил его «одинокого» на его «пепелище»²⁾. Член Северного Общества, Степан Михайлович Палицын, бывший также, в 30-х годах на Кавказе, служил с конца 1848 г. вместе с Л. С. в Одесской Портовой Таможне, «исправляя должность члена сверх штата»³⁾. Встречался Л. С. и с декабристом Александром Ивановичем Вегелиным, жившим в Одессе с конца 40-х годов и также хлопотавшим о поступлении в Таможню. На руках А. И. Вегелина, по словам Лорера, и скончался Лев Сергеевич⁴⁾.

Л. С., всегда имевший склонность к спиртным напиткам, склонность, обнаружившуюся еще в дни его юности и вызвавшую ряд известных эпиграмм Соболевского, к концу своей жизни не только не поборол своей болезненной слабости, но и предался ей в еще большем размере. В конце 40-х годов на почве алкоголизма у Л. С. развилась водянка в груди, которая и свела его преждевременно в могилу. Б. М. Маркевич в 1850 г. приехав в Одессу в отпуск, узнал «в первый же день от своих, что Пушкин болен неизлечимой болезнью, приговорен медиками, но еще «не сдается», бодрится, ходит». Встретил он его в тот же день на бульваре — Пушкин шел, «побледневший и худой, медленными

¹⁾ Архив. 6. Нов. и Бессар. ген.-губернатора. По особ. канцелярии. Дело № 28 - 1851 г., л.л. 35—36; № 51—1850 г., л.л. 8, 9, 94, 96; № 35—1856 г., л.л. 69, 78. См. также дневник Г. И. Соколова. «Зап. Имп. Од. О-ва Ист. и Древностей», т. 24, стр. 190.

²⁾ «Р. Арх.» 1874 г., кн. III, стр. 387. Свой восп. о Л. С. он заканчивает словами: «хотя мне дали знать об опасной болезни Льва Серг., но я не успел принести ему дружеского прощания, а по словам окружавших его постель и мне рассказывавших о его последних минутах, он часто и много вспоминал обо мне. Мир праху твоему, дорогой Лев Сергеевич!».

³⁾ Дела Нач. Од. Тамож. Округа. Разр. I св. 42. № 849—1848 г., л.л. 59, 122, 220, 231, 232 сл. (формул. список); св. 43 № 889—1850 г. л. 67; Дела Од. Таможни. Разр. I св. 12, № 136—1848 г., л. 56; св. 13 № 145—1852 г., л. 10. Архив 6. Новор. и Бессар. Ген.-Губернатора по особ. канцелярии. Дело № 48—1851 г. С. М. Палицын, хлопотавший о получении места в Од. Таможне, получил разрешение приехать в Петербург для «испытания» и «прикомандирования его к Петерб. Таможне». 3 окт. 1848 г. «определен в С. Пет. Таможню для познания дел» и 24 ноября того же года был «командирован в Од. Порт. Т-ню для исправления должности члена сверх штата». 13 августа 1852 г. он был назначен членом Таможни, на открывшуюся после смерти Пушкина вакансию. В конце 1851 г. получил позволение иметь постоянное жительство в Петербурге и 23 июня 1853 г. выехал в столицу. Ср. «Дела и Дни» 1922 г., кн. 3, стр. 50; «Всемирн. Иллюстрация» 1887 г. № 983 (Некролог).

⁴⁾ «Русск. Архив» 1874 г., кн. III, стр. 387. О пребывании А. И. Вегелина в Одессе имеются материалы в Архиве 6. Нов. и Бессар. Ген.-Губернатора (по частной канцелярии. Дело № 77—1844 г.; по особ. канцелярии. Дело № 1—1849 г.). См. также «Р. Ст.» 1911 г., т. 148, стр. 670; «Дела и Дни» 1920 г., кн. I, стр. 344; Записки Э. С. Андреевского, Од. 1913, т. I, стр. 186—187.

шагами больного... опираясь на руку Н. Ф. Щербины»¹⁾. В апреле 1851 г. Л. С. отправился «по совету врачей в Париж, для исцеления, возвратился в Одессу здоровый, но скоро принялся за прежний образ жизни; болезнь возвратилась, усилилась, и он умер»²⁾.

За два месяца до своей кончины Л. С. переехал в дом И. Водзинского (на Ямской ул.), сняв большую квартиру во втором этаже³⁾. В квартире этой «на высокой кровати — в огромной зале — по середине» и умирал Л. С. «К нему ходили друзья, пили, закусывали (Ильин, Маржанов, который ухаживал за его женой), вообще много знакомых толкалось здесь и беседовало между собою. И больной Пушкин также силился принимать участие в беседе. «Дайте мне, пожалуйста, папироску», говорил он кому-нибудь. Тогда вышло новое издание сочинений Жуковского, и он обратился к Н. Г. Тройницкому: «Пожалуйста, купите для меня». Тройницкий «купил, принес — и он прочел некоторые стихи. За день или за два до его смерти он еще раз зашел к нему — «опять — масса народу, гудят, как пчелы, разговаривая»...⁴⁾.

Угас Л. С. «в памяти и с тою веселостию, которая преобладала в нем во всю его жизнь. С улыбкой повторял он: «не пить мне более Кахетинского»⁵⁾. Краткая заметка в «Одесск. Вестнике» оповестила о смерти Льва Сергеевича: «В субботу, 19-го июля, скончался здесь, на 49-м году своей жизни, к общему сожалению всех знавших его, член Одесской Портовой Таможни, надворный советник Лев Сергеевич Пушкин, — единственный брат незабвенного Русского поэта Александра Сергеевича Пушкина»⁶⁾.

Е. Сказин.

1) «Русск. Вестн.» 1888 г., кн. 9, стр. 427.

2) Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, том VIII, стр. 239, ср. К. Зеленецкий. «Москвитянин» 1854 г., т. III, № 9, смесь, стр. 1; воспоминания Н. И. Лорера «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 387; Л. Майков. Пушкин, стр. 40.

3) После смерти Л. С., Игнатий Водзинский хлопотал о взыскании через полицию с Е. А. Пушкиной (выехавшей вскоре из его дома) 550 р. сер., в силу контракта, заключенного с ним Л. С. на один год с 1 мая 1852 г. по 1 мая 1853 г. (Рукоп. собрание Одесск. Публ. Библиотеки). Любопытно, что И. Водзинский в конце 40-х и начале 50-х годов состоял по Высочайшему повелению под надзором полиции «за вольность образа мыслей и внушение своим воспитанникам вредных понятий». Архив б. Нов и Бессар. Ген.-Губ.-ра. По особ. части. Дело № 39—1852 г., л. л. 6—7.

4) «Одесск. Листок» 1909 г., № 172. Воспоминания Н. Г. Тройницкого.

5) Записки Н. И. Лорера, «Русск. Архив» 1874 г., кн. I, стр. 47.

6) «Одесск. Вестн.» 1852 г., № 58. Ср. «Сын Отечества» 1852 г., кн. 8, стр. 46—47.



Иван Петрович Липранди.

С акварели Геда.

К портрету И. П. Липранди.

Иван Петрович Липранди (род. 17 июля 1790 г., умер 9 мая 1880 г.), друг Пушкина по Кишиневу и Одессе, автор чрезвычайно ценных воспоминаний о поэте («Заметки на статью: А. С. Пушкин в южной России» — «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1213—1284, 1393—1491 и «Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля», М. 1873). Подробная биография его, с указанием литературы, будет помещена во втором выпуске настоящего сборника, в готовом к печати «Словаре одесских знакомых Пушкина». Настоящий акварельный портрет И. П. Липранди, работы художника Геда, появляется в печати впервые. Он извлечен из одесского рукописного альбома половины 30-х годов, принадлежащего Н. Н. Виркау, который любезно предоставил его Пушкинской Комиссии для опубликования.

Анна Семеновна Ганнибал.

Во время печатания настоящего сборника, после долгой и тяжелой болезни в Одессе скончалась *Анна Семеновна Ганнибал* (род. 1850 г., умерла 11 апреля 1925 г.), троюродная сестра А. С. Пушкина, писательница и педагог. А. С. принадлежит ценная статья о роде Пушкина с материнской стороны: «Ганнибалы. Новые данные для их биографий» («Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII и XIX—XX) и кроме того ряд статей и переводов в «Вестнике Европы», «Аполлоне», «Новом журнале литературы, искусства и науки» и т. д.

Более подробные сведения о покойной, на основании материалов, сообщенных Пушкинской Комиссии журналистом И. Бродовским, будут помещены в одном из ближайших выпусков настоящего издания.

Х Р О Н И К А.

1. Юбилейные годы в Одессе.

Столетие со дня пребывания Пушкина в Одессе, совпавшее с 125-летием со дня рождения поэта, вызвало к жизни Пушкинскую комиссию, которая поставила своей целью «собрание, научную разработку и популяризацию всех материалов, относящихся к пребыванию Пушкина на юге России». Основанная весной 1923 г., комиссия, однако, фактически прекратила свое существование вскоре после окончания организованных ею «юбилейных дней» (о них см. в хронике сборника «Атевей», I—II, Лгр. 1924, стр. 190—191). Лишь 7-го марта 1925 года комиссия начала функционировать в новом составе, как постоянная «Пушкинская комиссия» при Одесском «Доме Ученых». Помимо популяризации Пушкина путем устройства в «Доме Ученых» литературно-музыкальных вечеров, лекций, докладов и т. п., задачи комиссии определялись как — «собрание и хранение материалов, относящихся к Пушкину, организованное исследование его трудов и жизни, а также всех вопросов истории литературы и культуры, связанных с Пушкиным».

В плане работ комиссии, одобренном Пушкинским Домом при Российской Академии Наук, на первом месте, помимо издания сборников статей и материалов о Пушкине, стоит коллективное библиографическое описание изданных в Одессе материалов о нем — книг, брошюр, газетных и журнальных статей («Пушкин в Одесской печати»): эта работа уже начата осуществлением специальной библиографической секцией комиссии.

С конца 1924 г. комиссия, при поддержке местных артистических и музыкальных сил, устроила в Одесском «Доме Ученых» ряд Пушкинских вечеров.

Первый вечер (22-го декабря 1924 г.) — «Пушкин и современность» был посвящен чтению стихов о Пушкине А. Блока, В. Брюсова, М. Кузмина, В. Ходасевича, Г. Шенгели, Б. Пастернака, В. Маяковского и Эд. Багрицкого (докладчик — М. П. Алексеев, исполнители — М. Шевелева, арт. Мирато, Себастьянов, Добрянский). Второй вечер (2-го марта 1925 г.) — в память 88-летия со дня смерти поэта — «История русского романа в текстах Пушкина» был посвящен демонстрации наиболее характерных и показательных вокальных произведений на тексты Пушкина за сто лет. Исполнены были романсы: Алябьева, Титова, Верстовского, Варламова, Вильбоа, Гурилева, Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Балакирева, Бородина, Рубинштейна, Кюи, Чайковского, Римского-Корсакова, Ареянского, Гречанинова, Рахманинова, Метнера, Гнесина, Саминского. (Докладчики — Б. В. Варнеке, М. П. Алексеев, исполнители — артисты: Барышев, Благовидова, Вырлай, Дуранте, Карнауков, Качевский, Суходольская, Сенкевич). Третий вечер (11-го мая 1925 г.) — «Вечер стихов Пушкина» включил в свою программу инсценировку (en face) «Пира во время чумы», с музыкой В. Н. Анясимова, а также декламацию стихов Пушкина. (Исполнители — А. П. Харламов,

Себастьянов, Добрянский, Гушмалова, Анисимов, и студенты Одесского Муз-драмина).

Кроме того, комиссия устроила в «Доме Ученых» открытое заседание, посвященное памяти Акад. Н. Котляревского (27-го мая 1925 г.) с докладами З. А. Бабайцевой («Труды Н. А. К. по истории русской литературы»), В. Ф. Лазурского («Мировая скорбь»), М. П. Алексеева («Н. А. К. — историограф декабристов») и Б. В. Варнеке («Личные воспоминания о Н. А. К.»), а также ряд очередных своих заседаний, на которых читались и обсуждались доклады о Пушкине (подробный перечень их будет дан в одном из следующих выпусков сборника).

2. Пушкин в Одесской печати.

За юбилейные годы в Одесской печати появилось не много статей, посвященных Пушкину; в большинстве случаев они не представляют собою существенного интереса для пушкинистов, являясь не более чем «юбилейными документами» обычного типа. Однако, в виду затруднительности регистрации подобных материалов и сравнительной редкости провинциальных изданий, ниже приводится по возможности полный список их за четыре слишком года (по июнь 1925 г.).

1921.

1. Г. Шенгели, «Державин», «Ермолов», «Nathalie» (стихотворения) — «Посев. Лит.-крит. и научно-худ. альманах», стр. 7—9.
2. Г. Шенгели, Изрезец. Четвертая книга стихов. Всеукр. Гос. Изд-во. Здесь напечатаны стихи-ия: «Державин» (стр. 19—20), «надпись на томике Пушкина» (стр. 21), «Никитские ворота» (стр. 22—23), «Натали» (стр. 24—25), «Ермолов» (стр. 27—28).
3. Г. Шенгели, Трактат о русском стихе, ч. I. Органическая метрика, ВГИ. Многочисленные упоминания о П—не.
4. М. П. Алексеев, О драматических опытах Достоевского—в сб. «Творчество Достоевского, под ред. Л. П. Гроссмана» ВГИ. «Борис Годунов» — у Пушкина и Достоевского. (стр. 50—52).
5. Л. П. Гроссман, «На полях Пушкина» (советы) — «На хлеб. Однодневная газета Южного Товарищества писателей в пользу голодающих», 29 августа.
6. Поэты-декабристы. Сборник стихов под ред. М. П. Алексеева. ВГИ.
На стр. 13 напеч. стих. «Во глубине сибирских руд»... и ответ А. И. Одоевского. На стр. 36—о том, что стих. А. М. «К сочинителю Руслана и Людмилы» не принадлежит Марлинскому.

1923.

7. Эд. Багрицкий, Пушкин (стихотворение) — газ. «Известия»... № 594.
8. С. Ингулов, Против водяных знаков. (Письмо из Москвы) — газ. «Известия» № 1016.
О «Пушкинском доме» и его изданиях.
9. А. Де-Рибас, О Пушкине в Одессе в 1823—24 гг. — «Изв.» Литературно-научн. прилож. к № 1048 от воскрес. 3 июня.
10. Проф. Ю. Г. Оксман, Основные моменты изучения Пушкина в Одессе — «Изв.» 15 июля № 1084.
Дан краткий очерк изучения Пушкина в Одессе.
11. «Пушкин в Одессе» (1823—1923) — специальное лит.-худ. приложение к газ. «Изв.» № 1084.
Здесь помещены: 1) «Пушкин принадлежит нам!» 2) Проф. Д. К. Третьяков, Атеизм Пушкина. 3) Эд. Багрицкий (стих. памяти П—на). 4) Новое о П—не: Неизвестная одесская

расписка Пушкина (со снимком). Урок Царям. Как разрешены были к выпуску в свет «Цыганы» (Ю. Г. Оксман). 5) Эд Багр. Пушкин об Одессе. 6) А. Де-Рибас. Пушкинская Одесса. 7) Г. Шенгели, Пушкин и Державин (стихотворение). 8) Сергей Бондарин, «Здесь жил Пушкин» (стансы). 9) Библиография: Сборник Пушк. Дома на 1923 г.; М. Л. Гофман, История создания домика в Коломне; Неизданный Пушкин (З. и А. Г.).

К юбилейному дню ВГИ выпустило также плакат: «Каждый гражданин должен знать, что 100 лет тому назад в Одессе проживал русский поэт Александр Сергеевич Пушкин» (150 экз.) и плакаты-цитаты из его стихотворений («Я памятник себе воздвиг нерукотворный: К нему не зарастет народная тропа», «В мой жестокий век восславил я свободу, и милость к падшим призывал», «Товарищ, верь! Взойдет она, заря пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишет наши имена»... Все по 150 экз.). Все эти плакаты были расклеены по городу.

1924.

Эд. Багрицкий, О Пушкине (стих-ис) — газ. «Моряк» 8 июня № 517. К 125-летию со дня рождения А. С. П—на. Ibid.

Заметка о том, что в XVIII в. разница между старым и новым стилем составляла 11 дней, и что таким образом, день рождения Пушкина в 1924 г. приходится на 6 июня н. ст.

«Сегодня исполнилось 125-летие со дня рождения А. С. П—на» — газ. «Моряк» 6 июня № 515.

Здесь-же: Ов., Пушкин: А. Кмот, А. С. П—н в Одессе.

125-летие рождения Пушкина. — газ. «Изв.» 8 июня № 1353.

О юбилейном вечере в «Доме Ученых».

1925.

4. Изучение Пушкина в Одессе — вечерн. вып. газ. «Изв.» 14 мая № 597.

О Пушкинской комиссии при «Доме Ученых» и о ее предполагаемых изданиях.

Пушкинский заповедник — вечерн. вып. газ. «Изв.» 17 июня № 625.

О современном состоянии с. Михайловского.

Хома Брут. Маленький фельетон. Пушкин о нынешней Одессе. Ibid.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	СТР.
Предисловие	III—VI
I.	
Б. Л. Модзалевский. Затерявшийся автограф Пушкина	1—3
Н. О. Лернер. Одесский автопортрет Пушкина	4—5
Ю. Г. Оксман. Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (по неизданным материалам).	6—11
Б. В. Варнеке. Источники и замысел «Бориса Годунова»	12—19
М. П. Алексеев. Мелкие заметки к «Гавриилиаде»	20—31
С. П. Шестериков. Одна из воспетых Пушкиным	32—46
II.	
Г. П. Сербский. Неизданные расписки Пушкина	49—55
М. А. Автографы Пушкина в Одессе	56—57
В. В. Стратен. Об исчезнувшем Пушкинском деле.	58—59
М. А. Пушкин и Д. М. Княжевич	60—62
А. М. Де-Рибас. Ареопаг о Пушкине	63—68
Е. В. Сказин. Л. С. Пушкин в Одессе	69—74
— К портрету И. П. Липранди	75
— А. С. Ганнибал (некролог)	76
— Хроника: 1. Юбилейные годы. 2. Пушкин в Одесской печати	77—79